

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕРГЕЙ САВЕЛОВ

**ШАНС.
Внедрение.**

КОММУНИЗМ -
ЭТО МОЛОДОСТЬ МИРА,
И ЕГО
ВОЗВОДИТЬ
МОЛОДЫМ

МАЯКОВСКИЙ

Книга 1

Сергей Савелов

Шанс. Внедрение. (Я в моей голове). Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32826310

SelfPub; 2020

Аннотация

Я решил попробовать свои силы в популярном ныне разделе фантастики о «попаданцах», впечатлившись произведениями некоторых авторов жанра Альтернативной истории. Наиболее мне интересен период позднего СССР. Мой опус можно отнести к разряду «фанфиков», но мне захотелось попробовать обойтись без значимых «роялей», используя только свою память, навыки, умения из будущего, физические возможности и данные меня настоящего. Хочется проверить, что получится. 1-я книга закончена. Ранее произведение называлось "Я в моей голове". Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Начало.	4
Утро.	4
Поселок.	10
Школа.	15
Условия жизни.	32
Начало. Планы.	43
Родители.	48
Планы. Продолжение.	54
Глава 2.	65
Второй день.	65
Второй день. Вечер с ребятами.	74
Третий день.	84
Третий день. После уроков.	93
Четвертый день.	100
Пятый день.	109
Шестой день.	118
Седьмой день.	123
Отступление. Евгения Сергеевна.	135
Седьмой день. Продолжение.	137
Глава 3. Вторая неделя.	146
Репетиция.	146
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Глава 1. Начало.

Утро.

Проснулся неожиданно, похоже рано и полностью разбитый. В голове вертелись обрывки сна, какие-то образы, воспоминания и было чувство присутствия чего-то непонятно-го, страшного, чужого.

«Что произошло? Почему? Где я?» – возникли в голове панические вопросы. Сев на кровати, огляделся. Темно. В изголовье нашарил выключатель настольной лампы и зажег свет. «Фу, дома!» – с облегчением выдохнул. Привычная обстановка в бабушкиной комнате, сижу в своей кровати, за тонкой перегородкой бубнит радио в комнате родителей. За половинкой квадратного окна, разделенного той же перегородкой – ночная темнота. Вероятно, утро. Родители собираются на работу и скоро в семь часов сорок минут под зазорные фанфары «Пионерской зорьки» отец из-за стенки начнет меня будить. Как правило, я отвечал спросонья: «Сейчас!», наивно надеясь выгадать еще минутку для сна. «Хватит чавкать, вставай!» – орал он мне в ответ, демонстративно, но привычно «негодую». Такой диалог происходил каждое утро по несколько раз и превратился в рутинный утренний ритуал.

Однако сегодня я проснулся раньше и спросонья никак не мог понять – что со мной произошло или происходит и чего беспокоит? Вдруг **ВСПОМИНАЮ**, что через пару лет отец с матерью получат долгожданную благоустроенную квартиру в пятиэтажке в нашем Заводском поселке и переедут из этого барака. Позже, еще через несколько лет этот барак признают аварийным, и бабушка переедет в другой. К девяностым годам этого века ей, как ветерану труда и труженику тыла в Великую Отечественную войну выделяют квартиру в новой заводской девятиэтажке. К тому времени за ней уже будет требоваться уход, и мама заберет ее в свою квартиру, а в девятиэтажке поселюсь я со своей семьей после увольнения по сокращению штатов из Вооруженных Сил.

Все это промелькнуло в моей голове, а также много других подробностей, знаний (воспоминаний?). «Что это? Откуда это?» – панически забила мысль. Меня вдруг зазнобило и не от холодного пола. Ужас! Я, стиснув зубы и зажав ладони между колен попытался успокоиться и, нащупав на полу тапочки, поразмышлять: «Может это одна из форм сумасшествия, шизофрения, расщепление сознания? Даже не с кем посоветоваться – позора не оберешься. Что же делать?»

За стеной послышались ожидаемые фанфары «Пионерской зорьки» и знакомый голос отца:

– Сергей, вставай!

– Я уже встал, – буркнул, приходя в себя.

Слышу, как отец что-то сказал матери, и оба засмеялись.

«Весело им! А мне каково? Зачем мне эта напасть?» – подумал раздраженно.

Как сомнамбула от множества мыслей поплелся к помойному ведру в угол комнаты. Традиционная для всех жильцов барака утренняя процедура, где только общий коридор и кухня. Общественный туалет из досок, разделенный на мужское и женское отделения с двумя дырками в каждом находился на улице в углу двора рядом с помойкой. От нашего подъезда эти «удобства» располагались в пятидесяти метрах – не набегаешься по малой нужде.

Не спеша натянул «треники» и пошел умываться в коридор и чистить зубы. Водопровода, как и горячей воды, конечно, нет, а есть обычный раковина с «соском» над раковиной и семейным помойным ведром.

«Да! Не скоро буду умываться в ванной теплой водой из водопровода и при желании принимать утренний душ», – промелькнула мысль. «Зато бриться пока не надо!» – тут же радостно подумалось. С ужасом вспомнилось, как отец каждое утро взбивает пену из обмылков в специальном стаканчике, намыливает помазком подбородок и скребет щетину станком с лезвием «Нева»? Брр-р-р, кошмар! «Жиллет» с двойными, тройными лезвиями и другие бренды западной цивилизации пока не доступны простому мастеру сварочного цеха обычного машиностроительного завода провинциального городка, каких тысячи в СССР.

Опять эти непонятные знания! Откуда это? «Может по-

добное не только со мной произошло? Есть ли еще знающие?» – возникла обнадеживающая мысль. Вот бы встретить подобных бедолаг и поделиться мыслями, опытом, посоветоваться! Только как узнать? Я ведь не собираюсь каждому рассказывать о моих возможностях. Наверняка, другие тоже будут таиться. Вообще-то, в этом что-то есть, надо будет не торопясь обдумать.

Не зря же всю жизнь любил читать, а в последние годы... «Какие последние годы!?! А-а-а! Ужас! Тьфу ты, аж вспотел!» – запаниковал снова, но замерев на минуту, заставил себя успокоиться и продолжил рассуждать.

В последние годы я подсел на книги по альтернативной истории о попаданцах, в том числе и в послевоенное советское время.

Конечно, окружающим не следует знать о моих новых способностях, но как это произошло? Зачем? Почему я? Кому это надо? По книгам большинство попаданцев имеют какие-то бонусы: смартфон, ноутбук, сверхспособности и сверхвозможности и (или) какие-то знания, профессиональные навыки, умения и прочие «рояли в кустах». А я что знаю, умею, имею? Ничего! А может, я пока не все знаю?

Размышляя таким образом, я поедал вкуснейшую любимую рисовую кашу быстрого приготовления из брикета, приготовленную отцом. Эталонный на всю жизнь вкус рисовой каши со сливочным маслом. В будущем... А-а-а! Опять зацепило – «в будущем».

«Хватит дергаться!» – скомандовал себе. Если это навсегда, то придется смириться, жить дальше и не комплексовать.

Так вот, в будущем я уже не встречал подобного продукта – каши, кисели быстрого приготовления в брикетах. Как просто – заливаешь растолченный брикет необходимым количеством кипятка, закрываешь крышкой и через несколько минут – вуаля! Готовая рисовая каша. Никакого сравнения со всякими Дошираками и Ролтонами. В будущем, сколько не пробовал, не удавалось приготовить из большого выбора рисовых круп кашу с подобным вкусом.

«А вот утренний кофе!!!? (Тоже сваренный отцом в кастрюльке). Мм-да-а. Не то!» – поморщившись, мысленно сравнил. Многие годы в будущем пил растворимый Нескафе с молоком. Наверняка, в это время мне его будет сильно не хватать, хотя надо будет посмотреть, что продают в магазинах сейчас. Может, что и подберу, несмотря на небольшой выбор. Не интересовал меня продуктовый ассортимент магазинов в этом возрасте, так как в семье мама занималась снабжением.

«Так! У меня ещё и вкусы поменялись!» – поймал себя на мысли. Может всё-таки вместе со вкусом ещё что-либо изменилось у меня? Помню из книг, что некоторые попаданцы приобрели способность к быстрой регенерации организма, улучшенную память, ускоренную усвояемость знаний, приобретение навыков и мастерства.

Я всегда занимался спортом, но разрядов не имел, кроме первой степени военно-спортивного комплекса, полученной в военном училище. На любой должности считался хорошим специалистом и профессионалом, так как всегда старался быть в числе лучших, не любил замечаний, упреков и критики вышестоящего начальства. Стреляю, наверняка, выше среднего, в технике и оружии разбираюсь. Историю, вероятно, знаю лучше большинства нынешних современников, а в знании будущего мне вообще сейчас нет равных. Акцентировано ударить могу, знаю куда бить, чтобы наверняка вывести противника из борьбы, а то и покалечить (если не убить). Хватило бы силы. Отработаны некоторые приемы боевого самбо – не зря многие годы служил в войсковой разведке и в милиции.

Так! Все, пора в школу в свой девятый класс. В темпе натянул школьную форму. Портфель вроде ещё вчера сложил. Шапка кроличья, шарф, импортный зимний плащ, купленный матерью в Москве по случаю. Вперед! Опаздываю со своими размышлениями.

Поселок.

На улице еще зима, февраль 1978 года. Как бы другими глазами на улице осмотрелся. Наши два барака и сараи (самострой) с трех сторон огораживают двор, с другой – дорога. Некоторые сараи обиты железом и считаются гаражами, где хранятся мотоциклы и мопеды. Среди жильцов барачков есть только один владелец автомобиля «Москвич-412», выигранный в денежно-вещевую лотерею. Хозяин редкого автомобиля – еврей, отличный слесарь-инструментальщик на нашем заводе. (И такие евреи бывают, не только артисты, часовщики и ювелиры). Причем, непьющий, от слова совсем – редкое качество среди мужиков поселка.

У нас тоже есть гараж с мотоциклами «Урал» и «Восход» отцовскими. Мне ездить категорически запрещено родителями – прав нет и рано якобы. Конечно, я «угонял» их несколько раз по вечерам, покрасоваться перед ребятами и покатать девчонок.

Дальше прохожу мимо бывшего третьего барака, переделанного в двухэтажный многоквартирный дом уже с благами цивилизации – водопроводом и канализацией, только без горячей воды. (Горячей воды нет во всех благоустроенных домах города). Дом покрашен белой краской и в народе зовется «Белым домом». Наши бараки, как и многие старые дома в поселке построены пленными немцами во время и после

войны. Вероятно, в наших бараках они и жили.

Родители поселились в бараке, когда мне было два года в середине шестидесятых годов. Уже помню, что тогда бараки были сквозными с общим коридором с двумя выходами в торцах зданий. Центральное отопление было всегда на моей памяти. Потом каждый барак разделили на четыре секции, с отдельным выходом каждая. В каждой секции было по общей кухне с печью, но не помню, чтобы их топили, так как все пользовались керогазами. Мне, помнится, приходилось регулярно таскаться с бидоном за керосином. Потом провели газ и печи убрали.

Следующий четырехэтажный дом – Желтый дом (так его в народе зовут). Окрашен светло-бежевой краской, тоже благоустроенный. Вероятно, в свое время этот дом был построен для заводского начальства, а сейчас в нем живут простые работяги в коммунальных квартирах.

Дальше иду через небольшой сквер (парк), засаженный кустами черемухи и рябины. Слева – ограда ясель. Туда меня водили в детстве. Справа тир, склад спортивного инвентаря, городишная площадка и заводской стадион с футбольным полем. За стадионом виден синий пивной павильон (отрада для рабочих), рядом возвышается монументальный с колоннами заводской клуб с большой пристройкой заводского спортзала.

После парка на начинающейся улице располагаются в ряд серые благоустроенные двухэтажки из шлакоблоков. Тоже

немецкое производство, да и строительные технологии, наверное, их. Из послезнания – в таких домах трехслойные межэтажные перекрытия. Нигде не слышал о подобном в нашем строительстве. Двухэтажки тоже заселены простыми людьми, как мои родители. Начальство, как правило, проживает в городе. Вот такое деление у нас сложилось.

Город разделен рекой. На нашей стороне – железнодорожная станция со всей сопутствующей инфраструктурой и раскинулось несколько поселков. Перевалка (народное название). Рабочий поселок (в народе – «Дашкин»). Мой Заводской и Восточный поселок. На нашей заречной стороне расположено множество предприятий, самое крупное из них – Машиностроительный завод, где трудятся мои родители. Мама инженером-конструктором в конструкторском бюро и отец – мастером сварочного цеха, а также многие жители этих поселков и города.

Завод занимает огромную территорию и находится через дорогу от бараков. Через забор от моего барака (в наше окно виден) – городской растворный узел (в народе – Бетонная). Так что я живу при постоянном шуме завода, рокота тракторов и экскаваторов за окном. Рядом с заводом расположена городская ТЭЦ с высокой трубой (лазили в детстве). Она отапливает наш поселок и благоустроенный новый район города. Возле Восточного поселка расположен довольно крупный железобетонный комбинат. За железнодорожной станцией – большой завод ГАРО. Есть еще на нашей

стороне – нефтебаза, асфальтовый завод, автотранспортное предприятие, льнозавод, хлебокомбинат, новый молокозавод и ряд мелких предприятий, складов, хранилищ, гаражей и прочих объектов. Есть возможность развернуться мальчишеской фантазии для игр и проказ. Все это – городская окраина, за которой уже начинаются колхозные поля с множеством пригородных деревень. Вся молодежь этой территории училась или учится в моей средней школе № 8.

Вышел на перекресток, за которым раскинулась стройка жилого пятиэтажного благоустроенного дома, в котором мои родители должны будут получить свою отдельную двухкомнатную квартиру. Этот дом начали строить самым первым в городе по развернувшейся в стране хрущевской программе жилищного строительства. К сожалению, родителям, как заслуженным работникам завода выделили квартиру в этом первом доме. По каким-то причинам, как в пословице – «первый блин комом», так и первый строившийся благоустроенный дом превратился в долгострой. Начали строительство тогда, когда я пошел в первый класс и, проходя мимо стройки в школу, пытался представить, как буду жить в благоустроенной квартире. Однако сдали дом тогда, когда я уже учился в военном училище, то есть долгие десять лет. Только в первом курсантском отпуске я смог оценить преимущества отдельного благоустроенного жилья, а дома, которые заложили значительно позже, уже заселены работниками завода, в том числе многими моими друзьями детства,

знакомыми и одноклассниками. Зато многим из них, пошедших в школу из старых домов наших поселков, сейчас приходится ежедневно, кроме воскресенья, преодолевать значительное расстояние до школы и обратно.

Дальше пересек поселковый Заводской сквер, засаженный тополями, с асфальтированными дорожками (пока под снегом), скамейками и летней эстрадой. Скоро в апреле на субботнике, вероятно, снова будем убирать его. Дальше началась территория моей школы.

Школа.

Конечно, со своими размышлениями на урок опоздал. Поднялся на свой третий этаж. Повезло, первым уроком шла история. Учительница – Антонина Яковлевна, нормальная по меркам учеников. Протиснулся в дверь:

– Прошу прощение за опоздание, разрешите присутствовать?

Ну вот, проскочила привычка из будущей армейской службы – «разрешите». Надо было спросить – «можно» или «войти». Так и буду постоянно «палиться»? Надо внимательнее следить за «базаром».

– Надеюсь, причина опоздания уважительная? – поинтересовалась она для порядка.

– Несомненно, – заметил скрытую улыбку.

Знаю, что Яковлевна ко мне относится хорошо, да и вообще добрая и не злопамятная женщина. Обошлось. Естественно, об истинной причине опоздания промолчал, а врать посчитал унизительно и прошел на свое место.

Сажу на третьей парте у прохода в третьем ряду вместе со своим школьным другом Юркой Филимоновым – по прозвищу Фил. Он живет в Дашкином поселке и учится со мной с первого класса. Сдружились мы с ним только в девятом классе. Всегда считал его своим самым близким другом в это время. Не знаю, как теперь у меня с ним сложатся отноше-

ния с послезнанием?

В девяностые годы, в период «дикого капитализма» Юрка сошел с ума (та самая шизофрения). Сначала на него стали накатывать периодические приступы с последующим лечением и реабилитацией, затем следовал короткий промежуток нормальной жизни на воле под присмотром психиатра. Потом вновь повторялось обострение и клиника. И так много раз. Совсем измучил семью и соседей. Наконец, ему присвоили инвалидность и назначили постоянное пребывание в психиатрической клинике. Среди знакомых выдвигались разные версии о причинах Юркиного заболевания. Утверждали про плохую наследственность, а кто-то винил бизнес и нервотрепки, связанные с этим. В школе он был силен в математике, других точных науках и всегда учился хорошо в отличие от меня.

До восьмого класса включительно я учился, кое-как и всегда числился в отъявленных хулиганах. Кто-то из взрослых даже пророчил мне тюремное будущее. После окончания восьмилетки я был согласен продолжить учебу в городском ГПТУ. Там учились или собирались учиться мои многие друзья и знакомые из тех, кто еще не отправился на зону. Ни зона, ни ГПТУ меня не пугали. Категорически против «ремеслухи» была только моя мама – инженер-конструктор. Только она меня видела с высшим образованием и врачом. Против высшего образования я тоже не возражал, но профессию хотел бы более мужскую, так как с детства зачиты-

вался книгами о войне, армии, детективами про сыщиков, пограничников и шпионов и поэтому на приписной комиссии в военкомате на вопрос:

– Кем хочешь стать?

– Офицером милиции, – ответил не задумываясь.

В ответ меня уведомили, что военкомат милицию не комплектует, но если я хочу стать офицером МВД, то меня могут направить по окончании средней школы в училище МВД, а после его окончания буду служить во внутренних войсках. Служба «вертухаем» меня совершенно не прельщала и на собеседовании мы сошлись просто на учебе в военном училище. Время выбора военной специальности еще было.

По окончании восьми классов вдруг выяснилось, что из трех наших классов будет формироваться только один девятый класс. Из-за моей плохой репутации у школьной администрации и низких отметок в свидетельстве о восьмилетнем образовании места для меня в девятом классе этой школы не было. Можно конечно было подать документы в другую среднюю школу города, но мама куда-то ходила, с кем-то ругалась и кого-то просила. В результате ее активности меня все-таки зачислили в сборный девятый класс моей школы.

Вся эта возня меня не задевала, так как было все равно, но, когда оказался в девятом классе у меня впервые появились планы на будущее. Я твердо решил стать офицером и взялся за учебу. Изменил свое поведение в школе и вне ее, стал добросовестно учить уроки, порой засиживаясь до

двух-трех часов ночи. Даже заново учил программы седьмых-восьмых классов. Теперь учителя удивлялись моим ответам на уроках. Им уже не приходилось «натягивать» мне тройки, но некоторые просто не верили, что я сам мог решать какие-либо задачи самостоятельно, ведь я сидел за одной партой с Филимоновым, жили мы недалеко друг от друга, а он был силен в точных науках и постоянно являлся участником городских школьных олимпиад.

Директор школы, который был первым противником зачисления меня в девятый класс его школы, видя такие изменения, засунул в какой-то Совет старшеклассников. Когда же я, наконец, вступил в комсомол, то меня сразу избрали секретарем комсомольской организации школы. Репутация «правильного» пацана с авторитетом, хорошо знающего всю шпану окрестных поселков, способного постоять за себя, заставляла даже старших ребят минимум не цеплять меня, но в большинстве случаев держаться, как с равным.

Между тем уроки шли один за другим, особо меня не напрягая. На некоторых уроках вылезал за счет выученного накануне материала, а на истории и литературе, за счет более широких знаний из будущего, мог дать фору учителям, но благоразумно не высывался. При ведении записей обнаружил, что почерк практически не изменился, но почувствовал, что могу писать быстрее, только моторика руки подводила. Непривычно и непонятно. Для скорописи начал сокращать слова по будущей привычке. «Все-таки будущие при-

вычные навыки и умения усваиваются мной нынешним», – мысленно отметил. «Необходимо не спеша обдумать свои новые способности и решить, как этим более рационально распорядиться», – сделал вывод про себя.

Среди сверстников на переменах не смог заставить себя вести как прежде. Что-то претило беситься с друзьями так, как раньше, а на большой перемене не стал участвовать в спринтерском забеге в школьную столовую, как делал всегда.

В классе у нас сложилась устойчивая четверка для совместного обеда, куда входили я, Юрка, Серега Иванайнен и Саня Дорохов. Обычно по звонку на большую перемену мы срывались и неслись в столовую, расталкивая встречных и попутчиков, мешающих забегу. В буфете, первый занявший очередь (как правило, одно из первых мест), пропускал на свое место Юрку. Все сдавали ему свои пятьдесят копеек, коротко обсуждали небогатое меню, потом кто-либо из нас занимал отдельный столик на четверых. Получали купленный обед, и все таскали тарелки на наш столик. Обед стоил обычно сорок-сорок пять копеек. Сдачу Юрка оставлял у себя и по мере накопления через несколько дней покупал что-нибудь вкусненькое дополнительно на всех. Фил всегда отличался особой щепетильностью при обращении с деньгами, поэтому был негласно назначен нашим казначеем.

В этот раз я не помчался со всеми как «слонопотам» в «столовку» и даже Юрку из-за своей нерасторопности неумышленно придержал. Он, торопливо протискиваясь ми-

мо меня, прошипел:

– Ты чего телишься? На диете что-ли? В столовую не пой-
дешь?

И рванул к выходу из класса. Я же не спеша пошел в сто-
ловую – жрать все-таки хотелось. Когда пришел, мои друзья
еще стояли в очереди. Увидев меня, Санька с Серегой зама-
хали мне и закричали:

– Давай быстрее деньги, уже покупаем!

Юрка же молча вопросительно смотрел на меня. Опять
палюсь, но все равно бегать не буду. Если приду на де-
сять-пятнадцать минут позже, уже и очередь рассосется. Все
равно все в школе успевают пообедать на большой перемене.

Почему-то мне со сверстниками стало не интересно об-
щаться. Какие-то глупые сплетни, детские интересы и про-
блемы. На переменах я оставался за партой, листал учебни-
ки или стоял у стены в коридоре. Однако остаться в «байро-
новском» одиночестве не удавалось. То один, то другой из
ребят приставали ко мне со своими вопросами или пытались
завязать разговор. Как мог, старался поддерживать доброже-
лательность и беседу, но видимо моих театральных способ-
ностей не хватало, и пацаны удивленно отставали.

Меня же не переставая мучили вопросы о потенциальных
способностях и вероятных новых возможностях. Зная свое
будущее, стал прикидывать – что мне может пригодиться?
На что сейчас надо обратить внимание? Как проверить сей-
час у себя нынешнего свои будущие умения и навыки?

На перемене отправился к Михалычу, нашему учителю физкультуры. У большинства спортивных ребят старших классов с ним были почти дружеские отношения. Во-первых, он довольно молодой мужик на фоне остальных учительниц, в большинстве своем «бальзаковского» или предпенсионного возраста. Во-вторых, он разговаривал с ребятами на равных. В-третьих, он обладал харизмой и мог увлечь пацанов спортом. Мне, как школьному активисту и авторитетному пацану доверял настолько, что отдал запасной ключ от спортзала, чтобы мы с желающими ребятами старших классов после школы могли заниматься на спортивных снарядах. Оформил это, как спортивный кружок общефизической подготовки.

Как обычно у него в комнате толпились ребята. В этот раз – из десятых классов. Как я понял, обсуждался животрепещущий вопрос о чемпионате СССР по хоккею. Я, как и все смотрел по телевизору наиболее важные и интересные матчи нашей сборной по хоккею и футболу на чемпионатах мира или Европы, но фанатом какой-либо нашей команды не был и Чемпионатами СССР не интересовался. Меня вполне устраивало то, что из года в год чемпионами по хоккею становились ЦСКА, и большинство сборников были оттуда.

Сам спортом занимался, но без фанатизма. Возможности нашего города в выборе спортивной дисциплины для серьезного увлечения для меня были довольно ограниченные. Одно время ходил в заводской спортзал на секции гандбола и

штанги, но быстро бросил. Волейбол и баскетбол не интересовали из-за моего среднего роста в сто семьдесят сантиметров. Штангу потягать, поиграть в настольный теннис, в минифутбол в спортзале, мы – Заводские могли без всякой секции. Зимними вечерами все равно податься некуда, если фильм в клубе не интересный. Вот и коротали вечера своей пацанской компанией в спортзале. В свободное время летом играл в футбол, а зимой – в хоккей. В детстве катался на лыжах с друзьями. За сборную школы играл в футбол, волейбол и бегал на легкоатлетических соревнованиях. Даже приглашали в сборную футбольную команду юношей города.

В начале девятого класса из-за изменившихся приоритетов бросил курить (вот целеустремленность!) и больше времени стал уделять спорту. За сараями поставил турник, добыл двухпудовую гирию и начал дополнительно самостоятельно заниматься гимнастикой и гиревым спортом, а этой весной должен был начать по утрам бегать вдоль ближайшей железнодорожной ветки. Стеснялся и не хотел, чтобы меня видели прохожие. «Теперь надо посерьезней отнестись к спорту», – мысленно запланировал. Конечно, хотелось бы заняться спортом, связанным с единоборствами, например, боксом, самбо или рукопашным боем (хотя он еще не общедоступен). На растяжку надо обратить внимание – пригодится всегда. «Все-таки я со своим послезнанием уже начал планировать свое будущее», – отметил про себя. Еще бы и цель достойную выбрать или цели, но это потом.

Михалыч, выпроводив озабоченных советским хоккеем десятиклассников, уставился на меня, вопросительно задрав бровь. «Вот мимика, мне бы так научиться!» – позавидовал.

– Михалыч, ребята спрашивают про боксерский инвентарь. Сам бы хотел поставить некоторые удары, а отработать не на чем. В школе нет спортивной груши? Если нет, то нельзя ли достать? Заодно и перчатки боксерские? – пояснил свое появление.

– Ага, вы наотрабатываете, а потом челюсти крушить начнете налево, направо, – недовольно отозвался он.

– Как можно так плохо думать о нас? Это же только для общефизического и разностороннего развития советского школьника, – постарался улыбнуться, как можно дружелюбнее.

– Вам для развития, а мне для головной боли и бессонных ночей, – не поддался на мою улыбку.

– Михалыч, беспристрастная советская статистика утверждает, что занятия боксом отвлекают неустойчивого подростка от тлетворного влияния улицы, дисциплинируют, прививают уверенность в себе и развивают всестороннюю личность для советского общества, а преступников среди боксеров не больше, чем среди шахматистов. Может даже меньше.

– Слова-то ты говоришь правильные, да..., – Михалыч задумчиво почесал подбородок, – ладно, поговорю кое с кем, может достанем, – пообещал, чтобы я отстал и не грузил его

не нужными проблемами.

– Когда? – проявил я настойчивость.

Но физкультурник, наверное, сам был не уверен в обещанном, и я его понимал. Все-таки бокса в городе не было, ни секций, ни тренеров. К тому же в школьной программе и близко не было бокса.

– Ты попробуй поговорить с Горбатовым. У них больше возможностей, – предложил, пытаясь отвести от себя лишние заботы.

Я знал, что Горбатов заведует Заводским спортзалом.

– Попробую..., – вздохнул.

Похоже мимо. Наверное, придется самому грушу мастерить. Горбатова заинтересовать мне нечем. Не деньгами же, которых, кстати, тоже нет. Секции бокса на заводе нет и не предвидится, а спортивный инвентарь для несуществующего бокса заводу покупать нет необходимости. Не обосновать. У отца с матерью не тот вес на заводе, чтобы протолкнуть неоправданную покупку в Завкоме или где там выделяют деньги на спорт. Конечно, если проявить настойчивость, лица, заинтересованные в боксе, явно найдутся среди молодежи города, на заводе, в райкомах, исполкоме и в спорторганизациях. Предложение есть, так как культ силы и единоборства популярны в городе. Тогда и тренер появится, и секции, и спортивный инвентарь, только я буду уже в это время далеко от моего города в Москве или в Питере... тьфу, в Ленинграде учиться, а по выбитой у бюрократов боксерской груше будут стучать

другие. Мне ведь сейчас надо себя проверить и будущие полезные навыки восстановить, иначе – только в драках.

«Все-таки есть у меня изменения в интересах, психике А еще в чем?» – отметил и задумался.

Только сейчас обратил внимание – Михалыча я вроде удивил, не своей просьбой, а разговором на равных. Вероятно, школьник шестнадцати лет не должен так разговаривать со старшим, тем более с учителем.

«А! Ладно, пусть привыкают!» – мысленно махнул рукой. Через месяц большинство будет воспринимать мое поведение, как должное, хотя форсировать не следует.

Для создания боксерской группы надо начинать подбирать комплектующие: мешки, песок, опилки, веревки. Хорошо бы еще найти среди знакомых ребят энтузиастов бокса и часть обязанностей в создании инвентаря скинуть на них. Были бы деньги, то можно грушу и перчатки купить в спортивном магазине, если не у нас, то в областном центре.

Пора на последний урок, а то опять опоздал. Биология – не страшно. Биологичка молодая, некрасивая, стеснительная, даже о причине опоздания не спросит, хотя в этом случае мне скрывать нечего – разговаривал с учителем. Все равно не скажу, иначе пацаны вопросами замучают. Лучше приватно с некоторыми поговорить, может отыщутся энтузиасты бокса.

Если сейчас нашу секцию посещают регулярно до пятнадцати человек, то, прослышав про бокс, число явно увели-

чится поначалу, ведь все хотят научиться умело драться, а то, что умение достигается долгими постоянными тренировками, не думают. По себе знаю – зачастую надо переступить через себя, свою лень и боль. Лучше всего, когда дело, которое делаешь тебе нравится, какое бы нудное или тяжелое оно не было или есть цель.

«Черт! Что-то я опять улетел мысленно», – заметил, что «биологичка» недовольно посматривает на меня, а сделать замечание за отсутствующий взгляд стесняется. Зачем пошла в школу преподавателем, если избегает неприятных нюансов в работе с детьми? В любом сообществе существует подчиненность, и начальник должен так поставить себя, чтобы подчиненные решали, стоящие перед коллективом задачи, не сели на шею руководителю, а балласт, имеющийся в каждом коллективе, хотя бы не мешал и не разлагал остальных. В школе есть учителя, которые только отбывают свою повинность – бубнят учебный материал, а все в классе занимаются своими делами. Только, когда шум становился нестерпимым и превышает допустимые нормы, заставляет учителя отвлечься от «урока» и призвать всех или выделившихся к порядку.

«Извини девушка, но твой предмет не является для меня приоритетным, даже в перечень госэкзаменов не входит», – мысленно обратился к «биологичке».

Друг Юрка, почему-то молчит и только посматривает на меня. Все-таки за девять лет в одном классе мы изучили друг

друга и знаем, что от кого можно ожидать. Что-то чувствует, но пока не подозревает. Надо ему какую-либо правдоподобную идею задвинуть и, наверное, стоит постепенно удаляться от него, а то у Фила мозги не туда, куда надо повернуть.

Никогда не подозревал, что лучший школьный друг способен так плохо обо мне думать. Как я в нем ошибался! В один из приступов шизофрении, он в присутствии посторонних людей (а дело было в Приемном отделении больницы, полном посетителей), внезапно начал обвинять меня во всех грехах реальных и мнимых. Я был в милицейской форме, так как дежурил в этот вечер в группе немедленного реагирования и мне «повезло» вместе с врачами «Скорой помощи» доставлять психа. Этим психом оказался Фил, мой лучший школьный друг.

Сколько он тогда про меня наговорил! Тут были и развод с женой, представленный так, как будто я специально выгнал несчастную женщину с детьми на улицу без помощи и поддержки, без денег и куска хлеба, не пожалев маленьких детей и все ради того, чтобы остаться в квартире одному и беспрепятственно ежедневно водить к себе бля...ей толпами, свращать невинных девушек, спаивать их и безнаказанно пользоваться их, прикрываясь своей должностью в милиции.... Вспомнил даже про школу, что когда-то я у него списывал и он меня тянул в учебе...! Сейчас я выбился в большие милицейские начальники, в рабочее время сижу в отдельном кабинете и только приказы отдаю по телефону....

Денег не считаю, но старушке-матери не помогаю.... Ни с кем не считаюсь и живу в свое удовольствие.... И еще много всякого дерьма....

Я сначала опешил, так как не ожидал услышать подобно-го от него, потом словами попытался образумить и остано-вить словесный поток от больного сознания, но Фил не уни-мался, только еще больше распалился. Хитрец считал, что я при исполнении и ничего не смогу сделать, ведь кругом тол-пился народ. Персонал Приемного отделения тоже пытался его успокоить и остановить, но только моя оплеуха от ду-ши заткнула его «фонтан», но он тут же принялся окружаю-щих призывать в свидетели моих неправомерных действий. Конечно, желающих не нашлось. Уже в машине, по пути в «психушку» я оторвался на нем за всю ту грязь, в которой он меня попытался вывалить, без следов, но болезненно.

Через несколько месяцев, в один из периодов просветле-ния, Фил приходил ко мне с бутылкой и просил прощения. Мы с ним долго сидели, но полностью простить его я уже не смог. Я ведь не причинял ему зла и не создавал причин, заставивших думать плохо обо мне. Возможно, его всегда грызла какая-то зависть ко мне, хотя так и не понял – чему можно завидовать? Тех же денег в период спекуляции вод-кой в восьмидесятые и девяностые годы у него было больше. Тем более я не виноват в его болезни и сложившейся судьбе. Может эту зависть или ненависть он всегда еще со школы носил в себе, а когда приступ сорвал у него тормоза, он и вы-

плеснул все в гипертрофированном виде, желая меня больше уязвить и обидеть в присутствии посторонних людей?

Наконец-то урок и учебный день подошли к концу, а мне еще надо продумать проверку других своих возможностей и способностей. Поймал неожиданно себя на мысли, что необдуманно, как будто на автомате иду по пути некоторых попаданцев из фантастических романов по альтернативной истории.

– Ты, о чем сегодня все время думаешь? – наконец-то Фил проявил прямой интерес, собирая портфель.

– Да вот мир хочу покорить, – ответил не задумываясь.

– Тоже мне проблема! Я-то думал, что серьезное, – улыбнулся. – В нашей стране все уже придумано до нас. «Все во имя человека, все для блага человека», – процитировал известный лозунг и продолжил:

– У нас уже все predetermined на много лет вперед. Окончим школу: я – в институт, ты – в свое военное училище, потом я – на завод инженерить, а ты – в войнушку играть с солдатиками. Жена, квартира, дети сопливые... И где тут мир?

«Как же ты Фил заблуждаешься!!!» – мысленно сокрушаюсь. Через каких-то семь-восемь лет ни эту страну, ни людей, ее населяющих будет уже не узнать. Другие отношения будут между людьми и обстановка. А еще через десяток лет – и страна, и государственный строй, и люди, все другое будет. И никто, никто на свете кроме меня об этом не только

не знает, но и не подозревает. «Кстати, это тоже надо хорошенько обдумать», – мелькнула мысль.

– Представь себя через несколько десятков лет в кресле Министра финансов, а меня – Министром обороны? – провокационно улыбнулся.

– Чур, чур меня! Не надо мне подобных кресел! – шутливо отшатнулся он, отмахиваясь. – Меня бы устроил мешок денег на много-много лет, чтобы хватило до конца жизни и внукам еще осталось, – уже вполне серьёзно продолжил.

«Да ты, я смотрю «дружок», уже задумывался об этом», – догадался.

– Вот и я о том же. Ведь когда покоришь мир, разве будут деньги волновать? – шутливо, но с серьёзным лицом продолжил я.

– Когда ты покоришь мир, вспомни про меня сирого и убогого, – засмеялся.

«В «дурке» деньги тебе не понадобятся!» – ответил мысленно.

Как обычно из школы по домам отправились своей четверкой. Юрке и Сане надо было в Дашкин поселок, Сереге – в деревню Иваново за заводом, а мне – в барак.

Надо было спокойно посидеть и хорошенько подумать о своем будущем. Раньше никогда не заморачивался тщательным обдумыванием своей жизни и поступков, да и планов, как таковых не было. Жил, куда кривая вынесет, поступал интуитивно и не затруднял себя планированием. Теперь чув-

ствую, стал другим.

Условия жизни.

Подходя к своим баракам при свете дня, обратил внимание, как же все окружающее убого выглядит. Слева стоят в кривой ряд кое-как сколоченные сараи. Глядя на это убожество все же отметил, что по внешнему виду строения можно уже сделать вывод о возможностях достать стройматериалы, фантазии и умения хозяина. Некоторые сараи, наверное, нельзя назвать убожеством. Они пошире и повыше, построены из ровных одинаковых досок, а дверь или ворота сделаны вполне профессионально и качественно. Другие, кроме как курятником или собачьей конурой не назвать. В будущем собачьи жилища у не бедных хозяев будут выглядеть привлекательней. Из будущего помню – мой шлакоблочный барак к двадцать первому веку снесут, как аварийный, а деревянные, кое-как сколоченные сараи (и наш гараж в том числе) будут еще стоять.

Конечно, в это время насколько знаю, очень трудно достать законными способами инструмент, стройматериалы и строительную фурнитуру. Строительных специализированных магазинов в городе вроде и нет еще. Естественно у рачительного хозяина в хозяйстве имелись молотки, клещи, пассатижи и прочий инструмент, но гвозди, дверные петли и шурупы обычно при возведении личных строений использовались старые, бывшие в употреблении. Наемных масте-

ров-строителей частники, как правило, не привлекали, скорее более умелого соседа звали на помощь, впоследствии расплачиваясь бутылкой и вместе ее распив. На тех, кто хотел бы получить деньги за работу смотрели косо и за спиной осуждали. Все стройматериалы и инструмент доставали, где только можно. Основные места, где это можно было добыть – окружающие поселок предприятия и склады, а иногда просто тащили с работы или договаривались со знакомыми, у которых было необходимое на их работе. Расплачивались так же бутылкой. Начальство смотрело на это косо, но особо не препятствовало (если не зарываться), так как использовало те же источники на собственные нужды. Конечно, возможности у начальства в добыче дефицитных материалов были пошире.

Мой отец не предприимчивый. Когда строил дачу на выделенном от завода земельном участке в шесть соток, пиломатериалы официально приобретал на складе ЖКО завода по остаточной стоимости. Материал был некондиционный, бросовый, зачастую бывший в употреблении и подгнивший, однако его хватило на основной каркас, крышу и стены дачного домика. По молодости лет я не принимал участия в строительстве и не знал, где он брал стекла и рамы на окна, старое кровельное железо, двери....

При желании, можно было без труда просто украсть почти любой стройматериал. У нас между Заводским и Дашкиным поселками проходила железнодорожная ветка (вдоль

которой я буду этой весной бегать). Вдоль нее располагался склад стройматериалов под открытым небом, занимающий несколько гектаров. Там громоздились различные железобетонные конструкции, лабиринты оконных рам, горы рулонов стальной проволоки, кучи силикатного кирпича, штабеля досок и дверей, рулонов толи и рубероида, бухты электрокабеля, битума и многое другое, что меня интересовало только в целях места для игр. Сторож всего этого богатства в нерабочее время находится в бытовке, расположенной где-то в углу этой территории, открытой и не огороженной. В сторожах были пенсионеры, инвалиды или люди, не прижившиеся на нормальной работе из-за алкоголизма или непроходимой лени. При таких обстоятельствах, несколько десятков кирпичей, пару рулонов рубероида, несколько листов шифера и кражей трудно назвать.

На складе растворного узла, за всегда открытыми воротами высились горы цемента, а прямо за моим сараем – огромная песочная гора. (Стратегический объект «в боях» между бараковской и дашкинской ребятней.)

За дефицитной проводкой нужно было обращаться на завод или к знакомым электрикам. За работу этих специалистов уже не зазорно было платить деньгами, но в большинстве случаев, эти «спецы» также ограничивались распитием бутылки.

Одним из источников добычи стройматериалов еще были окрестные колхозы. Можно было, договорившись с предсе-

дателем, разобрать ненужное (зброшенное) в колхозе строение и вывезти еще годные для дальнейшего использования бревна, доски, рамы и кирпичи, тем более, что подавляющее большинство жителей наших рабочих поселков, это бывшие жители окрестных деревень и сел, до сих пор не прервавшие связи со своей малой родиной. Во времена проводимой Хрущёвым новой колхозной политики сельская молодежь потоком ринулась в города – в ПТУ, техникумы и на заводы, оставив отчий дом с родителями, хозяйством и заселили бараки, довольствуясь несколькими квадратными метрами на семью. Мой отец тоже деревенский из пригородного села областного центра. Закончив в молодости техникум в областном центре, он по распределению оказался в нашем городе, где и встретил маму. А мама местная из нашего города, можно сказать – из интеллигентной семьи. Дедушка (погибший на войне) и бабушка – из учителей.

Опять улетел мыслями. Между сараями и бараками находилась водопроводная колонка, откуда жители бараков ведрами брали воду. Как же неказисто выглядят наши бараки: приземистые, обшарпанные, плохо оштукатуренные, окрашенные в какой-то бледно-розовый цвет. Вдоль всех фасадов зданий большие квадратные окна. Некоторые семьи имели целое окно. Это значит, что семья целиком занимает комнату метров двадцать квадратных или как у нас – большая комната разделена дощатой перегородкой на две маленькие комнатухи с половинкой окна каждая. Рамы окон тоже по-

крашены по-разному, но в основном бордовой краской (цвет техники, выпускаемой на заводе). Вдоль всех фасадов – разномастные оградки палисадников, где покрашенные, а где-то почерневшие от времени. У каждого окна свой палисадник с грядками для цветов или ягодных кустарников. По палисаднику можно так же судить о трудолюбии, возможностях или желании выделиться хозяев. «Фабрика тщеславия», – хмыкнул про себя. Нет палисадников только напротив окон общих кухонь. Между бараками во дворе к деревьям и столбам привязаны веревки для сушки белья жильцами. Сломанные детские качели из металлического уголка и бугор песочницы под снегом – забота о детях от завода.

У каждого подъезда скамеечки, сейчас пустые из-за зимы и рабочего времени. В праздники и без повода на этих скамейках собираются празднества из соседей с гармонистами, частушками, песнями и плясками (топотушками по-деревенски). Это когда в образовавшийся круг по очереди выскакивают наиболее отчаянные подвыпившие женщины и, притоптывая, голосят деревенские частушки, в том числе и похабные. Думаю, это традиции деревенских посиделок, принесенные бывшими деревенскими жителями. Впоследствии, этот обычай и некоторые другие уйдут вместе с поколением этих жителей при расселении наших коммунальных жилищ. В вечернее и ночное время скамеечки занимает молодежь. Тогда уже там звучит гитара, редкий еще в это время переносной магнитофон, но чаще – приемники ВЭФ или

Океан.

В городе активно ведется жилищное строительство (отсюда и переполненные складские площадки со стройматериалами). Каждый год в городе, как правило, в Новом районе (народное название), возводят по несколько пятиэтажек, которые впоследствии назовут «хрущевками» или «хрущевками». Уже многие семьи за мои четырнадцать лет жизни в бараке переселились из бараковских каморок в благоустроенные квартиры. Так ушли мои многие друзья детства. Девятиэтажка, где я поселюсь через двадцать с лишним лет, будет заселена в большинстве своем жителями Заводского поселка, в том числе моими нынешними соседями.

Наконец-то мой подъезд. Ну и запахи тут! Прямо – короткий коридорчик, дальше прямо – общая кухня с кухонными столами (и нашим в том числе), двумя газовыми плитами на четыре конфорки каждая. Как женщины делят их, когда многим приходится готовить или кипятить белье? Никогда раньше не интересовался этим. Налево – общий коридор с дверями слева и справа. В коридоре тумбочки, комоды, старинные сундуки. На стенах тазы, баки, велосипеды, санки. Возле дверей – умывальники с помойными ведрами (вот откуда амбре) и ведра или баки с чистой водой.

Комната родителей сразу справа за кухней. Следующая дверь по коридору – вход в комнату бабушки. Когда пошло расселение жителей коммуналок многие оставшиеся жильцы стали ломать перегородки, разделяющие большие ком-

наты и занимали освободившуюся площадь. Мои родители стену ломать не стали, а переселили в освободившуюся комнату бабушку из каморки с печным отоплением деревянного аварийного дома и шумными соседями.

Наша комната около десяти квадратных метров. Длинной от двери до половинки окна около четырех метров. У двери справа – кухонный стол-тумба с посудной полкой на стене, слева ниша с вешалкой для одежды. Рядом – двустворчатый желтый, покрытый лаком платяной шкаф. Далее – диван с валиками в голове и ногах и вертикально стоящими подушками вдоль стены. Через проход справа – полуторная металлическая кровать со спинками с блестящими шишечками и перекладинами. На стене над кроватью – ковер машинной вязки с темным геометрическим орнаментом. У окна – стол на четырех ножках, за которым я обычно учу уроки, мама гладит белье и выполняется множество других хозяйственных дел. Слева над столом на стене – небольшая книжная полка. Справа от стола – комод с бельем и одеждой. На нем – черно-белый телевизор и радиола (оба Рекорды). Пространство между кроватью и комодом я использую для отжимания, стоя на руках, опираясь пятками на стену, а комод и спинку кровати – для отжимания, как на брусьях, поджав ноги.

Из-за стенки слышу голос бабушки:

– Сережа, это ты пришел? Иди, поешь, я картошечки сварила и кисель вкусный.

Сколько себя помню, она всегда пыталась меня накормить своим любимым овсяным киселем. Как меня этим раздражала всегда. На эту серую студенистую массу, которую она называет киселем, смотреть неприятно, а уж тем более есть (я, правда, никогда не пробовал). Не ответил, иначе не отвяжется. Она что-то пробурчала и затихла. Понимаю, что ей скучно одной. Подруг в бараках она так и не завела. В бараках вообще пенсионеров было мало. С отцом они друг друга терпеть не могут, а матери все время некогда. Мама у нас главным семейный, а может и генералиссимус. Она ведет хозяйство и решает основные бытовые вопросы (что приготовить, купить, сколько отложить денег и прочее). Что нам одеть с отцом решает тоже она. Отец вроде бы доволен, что ему не надо принимать решений, а я зачастую взбрыкиваю.

Глядя в окно, прислушался к себе. Все-таки жрать хочу. Куда в меня столько лезет? Скинул школьную форму, натянул домашние «треники» с вытянутыми коленками и пошлепал стоптанными тапками на кухню, вполголоса приговаривая:

– Что-то серется и ссытся, неужели я расту?

На нашем столе обнаружил кастрюлю со щами из кислой капусты. Поставил на плиту разогревать, а сам присел на табурет.

Нет, так жить нельзя! Надо как-то повышать благосостояние свое и семьи. Что можно сделать для этого в период развитого социализма, который потом назовут «застоем» в мои

шестнадцать лет? Где мне можно добыть деньги хотя бы для себя? Мать довольно прижимистая. У отца есть заначка всегда, но там не больше десяти-двадцати рублей. Не любит он сидеть дома и в любую минуту стремится смыться куда-нибудь подальше от материнского диктата, если она его не отловит и не заставит что-то делать. Зимой к друзьям, летом в гараж или на дачу. Конечно, у матери можно выпросить деньги на то, что она посчитает нужным и полезным. Вон в седьмом классе она предлагала мне начать учиться игре на гитаре у репетитора (какого-то музыканта) платно, вместе с сыном ее подруги с работы, но дело было летом и меня не прельщало куда-то ходить, когда было множество более интересных занятий с пацанами. А Ленька Кравченко, сын той подруги, уже сейчас играет на бас гитаре в клубном и школьном ансамблях. Безголосый, не поет, только играет, но считается авторитетным и умелым гитаристом.

Мама на заводе получает сто тридцать пять рублей. Отец – сто сорок пять рублей. Плюс бабушкина пенсия. (Рабочие – слесари-сборщики, сварщики или в литейке могли зарабатывать более двухсот рублей в месяц). Еще мать в сезон ездит в колхозы от завода. Тоже дополнительный заработок. Что-то продается из дачного урожая. Денег хватает на скромную жизнь, но мама умудряется откладывать. Мясо и колбаса в доме почти всегда есть. Выручают поездки родителей за продуктами в Москву. Раз в месяц от завода выделяется автобус Икарус для желающих съездить за дефицитом. Кроме этого

тетя Маруся из соседнего подъезда периодически нам таскает продукты с мясокомбината. Когда она вечером после смены приходит к нам, мама меня всегда выгоняет в коридор, чтобы не смущать женщину при раздевании. Где она прячет колбасу???

Нет, не выход – каждый раз выпрашивать деньги у матери и долго доказывать необходимость их расхода.

Вот и щи разогрелись. Потащил кастрюлю в комнату, там хлеб, тарелки и ложки. Попробовав, понял, что вкус у меня тоже изменился, а утром рис понравился. За сметаной к бабушке не пошел (в ее комнате стоит холодильник). Чувствую, что в щах чего-то не хватает. Остроты, аромата. Понял – мама не кладет в щи поджарку. Знает, если я увижу жареный лук в тарелке, то ложки не съем, а сейчас наоборот – ощущаю нехватку. Еще бы в щи добавить перца и томатов! Все равно тарелку умял. Хлеб не вкусный, черствый и сухой какой-то и цвет чересчур темный. Наверное, за четырнадцать копеек. Вот за восемнадцать вкусный, хотя тоже надо попробовать – может, тоже не понравится. Отнес кастрюлю на кухню – надо вскипятить, чтобы не прокис (у меня уже не раз бывало) и чайник поставить. Грязную тарелку с ложкой отнес тоже на кухню – мама потом вымоет. Ложка неприглядная и неопрятная – из какого-то алюминиевого сплава. Сколько не мой, всегда кажется жирной. Вроде были в хозяйстве стальные ложки и одна даже мельхиоровая. «А раньше я на это внимания не обращал», – поймал себя

на мысли. Заварив чай и убрав с плиты кастрюлю, пошел в комнату со стаканом.

«Где добыть денег?» – билась мысль пока выкладывал учебники, тетради и ручку. «Что у нас на завтра?» – заглянул в дневник. Алгебра, физика, английский, физкультура, география, органическая химия. С чего начать? Пожалуй, с физики.

Постепенно увлекся, отмечая, что знания нынешнего меня в симбиозе с приобретенным опытом в будущем в освоении нового (старого) материала, позволяют ускорить процесс изучения (вспоминание). Многое просто проглядев текст, можно было пропускать, так как чувствовал, что это я знаю. Немногим больше времени потратил на алгебру и химию, да и английский заставил полистать словарь. Кстати, надо обратить внимание на иностранные языки. Обязательно английский и, хотя бы немецкий. Пригодится для будущего, но нужен будет репетитор. Опять расходы.

«Вернемся к нашим баранам, а то скоро уже родители придут», – вернулся к размышлениям и достал чистую тетрадь. Буду в эту секретную тетрадь заносить все умные мысли. Здесь же набросаю вчерне план.

Начало. Планы.

Первое – деньги! Финансовая независимость просто необходима, чтобы не отвлекаться от выполнения своих планов. Где их можно быстро раздобыть хотя бы на первое время? Криминал отпадает.

Мне вообще от этого надо будет держаться подальше, хотя еще год назад со своей старой компанией и с бараковской шпаной участвовал в нескольких «гоп-стопах». «Бомбили» поддатых одиноких мужиков в темных местах на улицах и в закоулках поселка. Так же ходил со всеми на кражи. Шел и делал как все, но не лежала душа к такой деятельности. Конечно, опасался последствий, вероятной статьи, судимости, но не это главное. В глубине души понимал – это неправильно, это не мое. Потом двоих, самых отмороженных бараковских любителей блатной и тюремной романтики посадили, некоторые переехали в Новый район и бараковская компания распалась.

В последние года два я сдружился с ребятами из других дворов. Потом произошла крупная драка в общественном месте и самого старшего из нашей компании тоже посадили. Грузину (Саня Груздев из Желтого дома) дали два года условно, а меня, как самого младшего (четыренадцать лет) даже не привлекали к следствию. Тогда, нашу оставшуюся четверку можно было называть «Бригадой», как в знамени-

том будущем сериале.

Поступив в девятый класс, от «бригады» я отошел и сменил все: взгляды на жизнь, окружение и интересы. Даже курить бросил. Теперь из увлечений – спорт, в окружении – ровесники, а в приоритете – учеба и общественная работа. Конечно, иногда выпиваем с ребятами на праздники, но до криминала не доходит. Естественно, драки никуда не делись, иначе с нами никто не будет считаться и часто на танцах в городе приходится биться.

Итак, деньги! Выигрыш в лотерею отпадает. Результатов розыгрышей Спортлото я не знаю.

Вагоны разгружать на перевалке? Можно, но не постоянно. Там свои грузчики и самую выгодную работу они делают сами, а нам достается более тяжелая и менее оплачиваемая разгрузка. К тому же нужно ждать случая, когда потребуется срочно бригада на разгрузку, а свои рабочие заняты или «лыка не вяжут». Свою бригаду срочно не собрать численностью хотя бы не меньше, чем человек шесть, восемь. У кого-то учеба, кому лень, а кто занят. Летом и в каникулы проще.

Клад бы найти. Знать бы, где искать! Вспомнился мультик про дядю Федора с Матроскиным. Продать бы, что-то ненужное, но для этого надо найти, что-то ненужное. Цветмет и чермет сейчас не принимают от частных лиц.

Собрать миноискатель и заняться черной археологией? Вполне реально, но время! Если сейчас заняться миноиска-

телем, а летом побродить по полям и местам бывших деревень? В будущем немало ценного находили в земле нашего района.

Деньги на миноискатель тоже явно понадобятся – на комплектующие, на консультации специалиста (как-то его еще надо найти и обосновать задачи и цели). Может по линии патриотического воспитания молодежи через Горком комсомола выдвинуть идею о создании поискового отряда по поиску останков погибших в Великой Отечественной войне? Там уже обеспечат транспортом и миноискателем, а под шумок поискать другие ценные и годные к реализации артефакты. Тоже не реально – пока эту идею согласуют во всех инстанциях и утвердят, я уже школу закончу.

А если заделаться «клюквенником»? Вовка Коробков из Белого дома в девяностые годы, а может и раньше занялся иконами и хорошо поднялся на этом за несколько лет. Купил квартиру, машины менял часто. Как-то похвастался, что у него есть иконы, одна из которых стоит больше, чем трехкомнатная квартира и его Лексус. Сегодня он сопливый нескладный семиклассник, а станет уважаемым обеспеченным человеком.

В нынешнее время с этим бизнесом пока затишье. Конечно, занимаются отдельные искатели из столиц поиском икон по провинциям, но их единицы на нашу территорию. Естественно, надо обойтись без криминала, но тоже нужны будут хоть небольшие деньги. Сначала надо подобрать команду из

ребят, заинтересованных в личных деньгах (таких много), не болтливых (меньше), умеющих убеждать, заводить разговор со всегда подозрительными старушками и коммуникабельными (совсем мало). Привлечь местных деревенских пацанов – они все про всех знают и не вызовут подозрений, как чужаки.

Эта идея вполне реальная! Только без криминала. Надо с Филом поговорить. Он жадный до денег, загорится. Иконы и другую старину понемногу возить в Москву или Питер – там основные покупатели. Но предварительно надо по иконам пошарить информацию в библиотеке, чтобы хоть немного быть в теме, а то кинут. Кинут-то обязательно, но надо хотя бы не показать себя полным «лохом». Серега Иванайнен – деревенский, правда, с натяжкой. Хоть и живет в деревне, да деревня его в ста метрах за чертой города. Надо в этом направлении уже завтра решать потихоньку, подбирать и разговаривать с кандидатами.

Еще какие варианты «левых» заработков для моего положения и возраста могут быть? Я бы мог выступать генератором идей по производству товаров народного потребления. Нет, не подойдет для нашего времени. Кооперативов нет, хозяйственных артелей тоже – при Хрущёве разогнали.

Скупать урожай и вывозить в столицы? Спекуляция, да и на чем возить? На что закупать? Брать в долю директора автотранспортного предприятия? Никто не станет решать скользкие вопросы с подростками. Опять же это только летом и осенью. Знаю,

что сосед по даче, друг отца на своем дачном участке спилил и выкорчевал все плодовые деревья с кустарниками, а всю площадь засеял луком и чесноком для реализации на Севере. В результате – через несколько лет купил «Жигули». Мама всегда ставила его в пример отцу.

Можно заняться «шабашками» по колхозам, как делают наши активные мужики и бригады кавказцев. Каждый год подряжаются. Мы тоже можем подсуетиться, но это опять же только летом. К тому же, трудно представить из нас мастеров-строителей. Реальнее пару дней в неделю вагоны разгружать летом или в весенние каникулы.

Родители.

За спиной стукнула дверь – пришла мама с работы. Вынул изо рта ручку – всю изгрыз. На первом тетрадном листе написано одно слово – «Деньги», а дальше каракули отдаленно похожие на рисунки: домики, квадратики, миноискатель, сундук, кружки. (Наверное, монетки).

– Как дела в школе? – спросила мама, стаскивая сапоги.

– «Четверка» по истории, – ответил, убирая тетрадь.

Яковлевна все-таки наказала за опоздание, спросив меня в ходе урока по Истории СССР из ранее пройденного материала. Я ответил, наверное, не совсем по учебнику, так как не помнил, как изложен в учебнике процесс формирования СССР, и кто из лидеров – Сталин или Ленин больше «виноват» в создании и существовании СССР в нынешнем виде. Яковлевна, странно посмотрев на меня, поставила оценку. Вероятно, мой ответ выходил за рамки общепринятой теории, но учительница не стала на этом акцентировать внимание, чтобы не возбуждать на уроке дискуссию и не волновать юные неокрепшие умы, но вопросы ко мне наверняка отложила на потом.

Мама начала было рассказывать какие-то новости, но заметив, что я ее не слушаю, переодевшись, ушла на кухню.

Через некоторое время вернулся отец с работы, а за ним сразу в дверях появилась мама и сразу взялась командовать

им:

– Не раздевайся, надо сходить в магазин за молоком, ба-
тоном и маслом. Посмотри, может еще чего выбросят. И па-
пирасы себе купи, – она бескомпромиссно ставила задачи,
не обращая внимания на страдальческое выражение лица и
протестующие звуки отца.

Ненавидел он ходить по магазинам по хозяйственным де-
лам. Снизойдя, мама пояснила:

– Мне ужин готовить, а Сережке заниматься надо.

Готовить отец тоже не любил, тем более что приготовлен-
ное им, будет подвергнуто острейшей критике. Теперь я мо-
гу представить, почему отец выпивает и норовит сдернуть из
дома под любым предлогом. Надо выручать.

– Ладно, я схожу, все равно прогуляться надо, – встал и
начал убирать учебники с тетрадями.

Родители удивленно замолчали, так как знали, что я боль-
ше отца ненавидел ходить по магазинам, стоять в очередях
с уставшими после работы и раздраженными покупателями
(в основном женщинами). В будущем, столкнувшись с неор-
ганизованностью и не способностью планировать хотя бы на
несколько дней вперед супруги, а потом за продолжительный
период холостяцкой жизни привык к самообеспечению. Для
меня не составляло труда периодически пополнять продук-
товые или хозяйственные запасы в доме.

– Только, как быть с папиросами? – вопросительно по-
смотрел на отца.

– Мне хватит пока. (Мне). Я к Дмитриевичу, помочь надо! (Маме), – обрадованно и не дожидаясь реакции мамы, отец быстро исчез за дверь.

Мать устало всплеснула руками и с негодованием посмотрела на захлопнувшуюся дверь.

– Вот сволочь, опять поддатый придет, – предположила с негодованием и достала свою сумку.

Выудив из кошелька «трешку», положила на стол.

– Что на ужин хочешь? – захотела поощрить меня за готовность к подвигу.

– Фуа Гра и баранины, запеченной с ананасами, не будет? – улыбнулся. – Тогда, что приготовишь.

Фыркнув, мама ушла на кухню. Одевшись, забрав деньги, бидон и авоську вышел на темную зимнюю улицу. Отмечаю – фонарей в моем времени в поселке не прибавилось. Двор освещался только фонарями от дороги, светом многочисленных бараковских окон и фонарем возле колонки.

В поселковом магазине и возле него (в народе – «Восьмой»), вероятно, по порядковому номеру гастронома), как и ожидалось, толпился народ. Самая большая очередь, преимущественно из мужиков, была возле алкогольного отдела, в другие отделы – из женщин, в две кассы – смешанная. Встал в молочный отдел. Какой приятный запах от молочных продуктов! Продавщица в несвежем белом халате привычно ловко разливала молоко из алюминиевого молочного бидона литровым черпаком с вертикальной длинной ручкой. Сколь-

ко масла брать? Не спросил у матери. Граммов двести-триста хватит, наверное. Поинтересовался ассортиментом отдела бакалеи. «Нескафе» и даже «Пеле» не пахнет. «Кофе растворимый» (скорее кофейный напиток) и чай со слонем, что и дома.

На улице подкатил местный забулдыга от группы таких же и привычно попросил десять копеек. Вот ведь заботы у людей? «Настрелять» у прохожих на бутылку «бормотухи», «раздавить» ее на всех в подъезде соседнего дома из «горла» и снова на «пост» – стрелять копейки. Ничего не ответил жаждущему попрошайке, отодвинул его плечом и, не прислушиваясь к бурчанию за спиной, пошел в хлебный магазин. Ведя себя вызывающе со старшим, я ничем не рисковал. В группе «бухариков» было несколько знакомых лиц.

Где-то на периферии, на углу заметил Грузина с Аниськой (Славка Антонов) – по «бригаде» мои бывшие кореша. Наверное, тоже за «бухло» подвалили. «Бомбить» прохожих еще рано, да и место людное.

Хлебный магазин располагался в старом доме, вросшем в землю, так что в магазин надо спускаться – пол был ниже уровня земли. Запах – обалдеть! Батон был мягкий, наверное, завозят два раза в день с нашего хлебокомбината.

По дороге домой встретил Серегу Яшкина из нашей компании. Он, увидев меня с авоськой и бидоном удивился, но ничего не сказал. Среди ребят было не принято ходить за продуктами (не по-понятиям, не по-пацански, если ты не до-

машинный мальчик, маменькин сынок). Спросил у меня:

– В спортзал не пойдешь?

Прислушавшись к себе, решил: «Еще рано со своими изменениями из-за послезнания общаться с друзьями, не вызывая вопросов и недоумения». Отговорившись делами, пошел домой. Надо спокойно посидеть над Планом.

Я вдруг вспомнил – через восемь лет отец умрет от рака яичка. Может пора попробовать изменить будущее хотя бы своих близких? Первые признаки заболевания у него появились за три года до смерти. Потом два года он постоянно лечился и сидел на обезболивающих лекарствах.

Как обидно было чувствовать себя беспомощным, глядя на угасающего, но бодрящегося отца. В то же время, меня удивляло то, что, зная о смертельной болезни, он в периоды облегчения строил планы на будущее, говорил о ремонте в гараже и устройстве на работу, когда снимут инвалидность.

Дома, отчитавшись за покупки, я поделился с мамой:

– Сегодня в очереди слышал разговор про умершего от рака яичка мужика. В молодости его ударили по яйцам, и от этого через много лет у него развился рак. Наш отец рассказывал, что в молодости, играя в футбол он тоже получил по яйцам.

– Я его раньше убью, до сих пор паразит шляется где-то, – с раздражением вскинулась мама на неоправданно задерживающегося отца, поглядывая на часы.

– Может заставить его пройти обследование у специали-

ста. Я где-то читал – на ранних стадиях обнаружения рак легко излечивается, – упрямо настоял на своем.

– Какие у нас специалисты? – отмахнулась она. – Может только в области или в Москве? – продолжила. – Иди, ешь, я картошку пожарила.

– Все равно попытаться надо. Хуже потом жалеть, что могли вовремя принять меры и не сделали, – не отступил.

– Какое ему обследование? Посмотри, твой отец не просыхает от своей водки, – вновь взорвалась мама.

Не отвечая на риторический вопрос, развернул газету с программой телевизионных передач. Всего две программы. Через несколько минут начнется фильм «Небесный тихоход» с молодым Крючковым. Вроде его «звездность» гаснет уже, так как не помню его в главных ролях современных популярных фильмов. Зато Фаина Раневская еще долго будет популярна актрисой второго плана. «Потом надо будет посмотреть программу «Время», – запланировал про себя.

На кухне поздоровавшись с соседями, наложил себе тарелку картошки, добавил пару соленых огурцов прошлогоднего дачного урожая на край тарелки и пошел в комнату за свой стол. Не обращая внимания на вкус не очень любимого блюда, снова погрузился в свои мысли о деньгах, предварительно раскрыв перед собой учебник истории. «Теперь всю оставшуюся жизнь так и буду шифроваться?» – мысленно усмехнулся про себя.

Планы. Продолжение.

В наше время можно еще зарабатывать репетиторством. Хотя это не совсем законно, но вроде ОБХСС особо не зверствует. Только какой из меня репетитор? Что я знаю и умею? Отпадает.

Может попробовать использовать знания и навыки, приобретенные в будущем? Что я знаю? Популярные в будущем песни, художественные книги, киносценарии, знание компьютера, «Винды» и компьютерных программ. Последние пункты лет на пятнадцать можно забыть, тем более из меня разработчик и программист никакой. Вот поп-музыка и книги может выстрелить. Это идея! Помнится, в книгах про попаданцев некоторые герои пользовались смартфоном, ноутбуком, суперпамятью, идеальным слухом, широким диапазоном голоса, идеальным знанием иностранных языков для демонстрации и исполнения отечественных и зарубежных шлягеров и продавали их, выдавая за свои. Что из этого я смогу? Слов многих хороших песен до конца наверняка не помню. Может только смогу вспомнить и промычать первый куплет с припевом. В тексте можно попробовать заполнить лакуны собственными рифмами. Надо пробовать – может, получится? Вдруг выйдет лучше оригинала! (Ха-ха!) Но как быть с мотивом? Я ведь даже не знаю, как у меня с голосом и слухом. Подозреваю, что с музыкальным слухом у меня все

в порядке, так как чужую фальшь сразу улавливаю, но только при сольном исполнении. Нотной грамоты не знаю и на музыкальных инструментах играть не умею.

На гитаре только брэнчал в лейтенантские годы. В общаге, где жили холостые офицеры, были гитары, вот тогда и загорелся. Даже со временем что-то стало получаться, но на публике старался не демонстрировать свое умение. Играл, как мог для себя в одиночестве. Правда, как-то по-пьяни, взялся поразить изумленную публику. Если бы был трезв, может и удивил, но, не имея наработанных навыков, да пьяный – смог только развеселить окружающих. Потом друзья долго подшучивали над «бардом».

После того конфуза яростно продолжил осваивать гитару тайно от всех. Упорства или упрямства мне всегда хватало. Потом повредил кисть левой руки, затем перевели в другую часть – так с гитарой у меня и не сложилось. Смогу ли я сейчас воспроизвести наработанное?

Слух у меня однозначно есть. Помнится, в той же армии на одной из посиделок за рюмкой чая, весь вечер в нашей компании играл признанный всеми нами гитарист, а мне весь вечер резало слух дребезжание одной из струн. Как сейчас помню – третьей или четвертой. Меня удивляло, что музыкант этого не замечает. Когда я порекомендовал подстроить гитару – он удивленно заявил, что все в порядке, гитара полностью настроена. Я, взяв инструмент, показал не чистый звук на струне, но он и окружающие стали отрицать очевид-

ное. Тогда я сдался, решив, что ошибаюсь.

Смогу ли я сейчас сыграть на гитаре, чтобы воспроизвести мотив песни? Вряд ли. Наверное, чтобы переложить мелодию на ноты, придется петь «а капелла» перед специалистом. Получится ли у меня правильно передать мотив голосом?

Задумавшись, про чай забыл. «Кстати, в чае лимон не помешает!» – отметил мимоходом. Интересно, их сейчас можно купить? То, что лимонную кислоту в магазинах продают, знаю, а вот на наличие лимонов на прилавках овощных магазинов никогда не обращал внимание.

Где моя тетрадь? Надо придумать, где ее хранить, чтобы мать не сунула нос. У нее есть привычка проверять карманы отца (в моих-то ничего нет). Зато открыть мои тетради, блокноты вполне может и не считает свои действия предосудительными.

В тетради от слова ДЕНЬГИ провел стрелочку и подписал – СТАРИНА, еще стрелочку – ПЕСНИ, еще стрелочку – КНИГИ. От Старины – Команда: Фил, Иванайнен, Федоренко Валерка (Фрол). Фрол сосед по коридору, учится на год младше в восьмом классе. Его семья всего несколько лет назад переехала в наш барак из деревни. Надо с каждым кандидатом в «искусствоведы» разговаривать отдельно, так дольше наша деятельность может сохраниться в секрете. Вроде в сборе и продаже никому не нужных икон (если не воровать) нет ничего криминального, но все равно чувствуется

какой-то неприятный душок. Где-то слышал: «Был бы человек и желание, а уголовная статья всегда найдется!»

Встряхнув головой и передернув плечами вернулся к тетради. От песен провел очередные две стрелки – музыкальные инструменты и магнитофон. На нем можно заранее записывать свое мычание для демонстрации песен потенциальным покупателям и самому оценить со стороны собственное исполнение. Это большая разница, так как слушая свой голос, записанный на пленке можно не узнать себя, а все косяки выявляются сразу.

Подумал и дописал под инструментами – гитара. Мама ведь собиралась мне ее купить, когда загорелась идеей сделать из меня музыканта, хотя, наверняка, основной целью была задача оторвать сына от уличной шпаны. Сейчас этим ее не мотивировать – я стал почти примерным сыном.

– Мам! Ты не смогла бы поговорить со знакомыми и узнать, может, кто продает гитару или в магазине посмотреть, поговорить с продавцами, – повернулся к маме, чего-то шьющей и увлеченно посматривающей в телевизор.

– Зачем тебе гитара? Тебе учиться надо, – ответила она, но без убежденности в голосе.

– Одно другому не помешает. Многие ребята тренькают, стараясь перепеть чужое, а у меня в голове порой какие-то мелодии крутятся. Может, что-то путное из этого выйдет? – объяснил.

– Для этого надо в музыкальной школе учиться, но тебе

уже поздно, – заключила она

– Вот и думаю, что гитара подойдет, как не самый трудный инструмент для освоения, – продолжил убеждать я.

– Слух у тебя есть и пел в детстве ты неплохо, – задумчиво взгляделась в меня.

«Вот это новость! Я не помню, чтобы меня когда-то искренне хвалили за редкие сольные выступления на детских утренниках?» – опешил от неожиданного признания.

– Наверное, для исполнения мелодии лучше подойдет гармонь или аккордеон, но они дорогие, – огорчилась она. – Ладно, поговорю на работе, – наконец согласилась, кивнув головой и вернувшись к шитью.

Процесс пошел! Моральных терзаний за плагиаторство и полузаконный бизнес с иконами я не испытывал. Других законных способов заработка я не видел.

«Что-то планов громадье? Потяну ли?» – мысленно засомневался. Я всегда считал себя великим лентяем, старался не делать того, чего не требовалось и в чем не был уверен. Конечно, упорства или упрямства мне не занимать, но вот стремиться к чему-то новому или запредельному попыток не делал. Может, довольствуясь достигнутым, поэтому ничего выдающегося и не добился в жизни? Хотя вроде жалеть мне не о чем, так как всегда был доволен своим статусом и материальным положением. Если сейчас с новыми возможностями и взрослой памятью появятся более высокие цели – я смогу добиться большего?

Теперь, пока еще смутно намечается какая-то цель, ведь я знаю, что нас всех ждет впереди, но можно плыть по течению, немного корректируя свою жизнь и жизнь близких. Например, сейчас плотно заняться английским и немецким. Постараться хорошо окончить школу и поступить не в военное училище, а в институт народного хозяйства и стать финансистом или экономистом, или поступить в нефтяной институт, институт радиоэлектроники... Компьютеры в будущем всё. Важно поступить в Московский институт, а там знакомства нужные завести и возможностей больше куда-то или к кому-то пристроиться. Фамилии будущих олигархов знаю, только не к Березовскому или Чубайсу. Таких надо давить в колыбели.

Мышление у меня инженерное – по будущему знаю и с техникой на Ты.

После смерти отца мама решила продать, оставшийся никому не нужным мотоцикл «Урал». Я в это время служил на Дальнем Востоке. «Урал» стоял в гараже с разобранным двигателем уже много лет. Зачем отец его разбирал? Детали двигателя «Урала» были в беспорядке разбросаны по всему гаражу вперемешку с запасными частями от «Восхода». Это выяснилось в моем очередном отпуске, когда решил попробовать выполнить материнскую просьбу – собрать и подготовить мотоцикл для продажи хотя до этого времени с мотоциклами никогда дело не имел.

В училище я получил специальность инженера по эксплу-

атации колесных и гусеничных машин. Первая офицерская должность у меня была – командир взвода учебно-боевых машин (БМП). Конечно гайки я не крутил, а для обслуживания и ремонта боевой техники от офицера требовалось только грамотно и вовремя ставить задачи подчиненным. Для того, чтобы не выглядеть профаном в глазах механиков-водителей и давать грамотные советы приходилось вникать в поломки дизеля или электрооборудования БМП. Опыта со временем поднабрался, поэтому, в дальнейшем, в других частях стал считаться специалистом по боевым машинам на базе БМП. Даже классную квалификацию мастера подтвердил со временем.

Но в армии был дизель, а здесь разобранный «Урал» и куча деталей от двух разных мотоциклов. «ЛЕГО, блин!» – озадачился сначала, глядя на мотоциклетную раму и кучу запчастей вокруг, но потом втянулся и даже стало нравиться. Разыскал в гараже потрепанную и испачканную в масле Инструкцию по эксплуатации и ремонту «Урала» и приступил к работе.

Через несколько дней мотоцикл я собрал самостоятельно и даже завел, чем удивил себя, а еще больше маму. Похоже, она не верила, что у меня что-то получится. Потом удивлялся – почему отец всегда подолгу возился с «Восходом», а затем с «Уралом»? Видимо, человеку не все дано. Хоть получил отец техническое образование, но с техникой остался на «Вы».

«А у меня с песнями получится?» – озадачился. Надо попробовать и стараться, отбросив все сомнения, а не попробовав, не узнаю о всех своих талантах.

Наконец, появился отец и, похоже, поддатый. Ну, все – начался «разбор полетов». Теперь маму не остановить. Надо сваливать или все же попытаться спасти отца от распятия, потребовав тишины?

– Уважаемые родители, нельзя ли обеспечить сыну-школьнику благоприятные условия для учебы, отложив семейные разборки на потом. К тому же семейные скандалы отрицательно влияют не неокрепшую детскую психику.

Мама резко прервалась на полуслове от неожиданности, а отец благодарно хмыкнул, но разве можно мать остановить даже изысканностью просьбы, ведь не все высказано, и она продолжила монолог, только злым шепотом. Отец оправдывался междометиями, невнятными звуками и тоже старался шепотом, но шепот не передает всю гамму эмоций, и мама постепенно затихла.

Фильм и программа «Время» уже закончились. «Черт, а «Время» ведь хотел посмотреть», – вспомнил, огорчившись. Хотелось бы знать подробнее, что в стране и мире происходит в настоящее время, так как прежде не обращал на это внимания.

Отец слинял на кухню курить, ужинать и поболтать с соседями, а мама стала разбирать постель, готовясь ко сну.

Вернулся к Плану. Песни. Надо как-то проверить свой

слух и вокальные данные. Может подойти к учительнице пения в школе и попросить профессионально оценить мои возможности? Или обратиться к однокласснице Наташке Моряковой? Она по жизни одиночка и не имеет близких друзей, с которыми можно поделиться мнением о моих вокальных по тугах. Мать у нее пианистка в детском саду. Сама она ходила в музыкальную школу и дома у них есть пианино. К тому же живут они вдвоем с матерью в нашем бараке. Ладно, потом решу к кому обратиться.

Самому поискать гитару, поспрашивав школьных и знакомых музыкантов? Забытые тексты песен попробую написать сам, а вот музыку желательно переложить на ноты. Кто сможет с голоса записать ноты? Наташка? Тоже отложу на потом. С каких песен начать? Тоже – на потом.

Куда и кому продавать? Конечно тому, кто зарабатывает песнями. У меня вариантов нет, кроме профессиональных музыкантов вокально-инструментального ансамбля, играющих в единственном приличном ресторане города, на танцах и выступающих на общегородских мероприятиях. В наглую подойти и предложить им готовые песни или поискать к ним подходы через знакомых? Может за несколько песен среди них найти репетитора игры на гитаре? Нет, лучше маму попросить оплатить услуги репетитора. Ведь хорошая песня – это потенциальные деньги, а если хорошую песню предложить популярному исполнителю, то это большие деньги, только встает вопрос о регистрации собственности. В стра-

не должна быть контора, которая регистрирует права на интеллектуальную собственность и защищает авторские права. Как и где это выяснить? Как не хватает Интернета! В книгах про «попаданцев» упоминается какой-то ВААП. Узнать бы, где это находится? Для регистрации песни вот и понадобятся текст с нотами.

На сегодня все. Все улеглись, пора и мне в свою кровать в бабушкину комнату. Вот и прошел день у меня с новой памятью. С завтрашнего дня мне надо начинать выполнять свой план.

– Па! Ты, когда встаешь? – спросил отца.

– В седьмом часу, а тебе зачем? – ответил он заинтересованно.

– Меня разбуди, на зарядку сбегая, – пояснил.

Прикинул, времени на сорокаминутную зарядку хватит, а там «Пионерская зорька» и все как обычно. «Вот засада! А в чем побегу?» – возник вопрос. Пока все не заснули пошел искать лыжный костюм, шерстяные носки, лыжную шапочку и зимние боты «прощай молодость». Больше ничего подходящего в моем гардеробе не нашлось.

– Что это с тобой? Влюбился? Новую жизнь решил начать? Так обычно это начинают с понедельника, – разве селился отец, придя в себя от моего неожиданного заявления. – Ладно, спортсмен, гаси свет, разбужу. Посмотрю, как ты встанешь. Заставлять подниматься не буду.

– Спокойной ночи! – желаю родителям и с получившемся,

неожиданно большим свертком пошел в бабушкину комнату.

Ответов я уже не слышал, прикрыв дверь. «Тормозят родители от моей прорезавшейся вежливости», – отметил про себя. Ладно, пусть привыкают. Если у меня что-то получится из запланированного, еще не так будут удивлены.

Глава 2.

Второй день.

«А поутру они проснулись...» Утром, услышав голос отца и матерясь про себя, натянул лыжный костюм и выскочил на морозную улицу. Вчера вечером перед сном я перебирал подходящие места для пробежек, так как не хотелось бы удивлять своей самоотверженностью ранних прохожих. Не хватало мне дополнительных сплетен среди населения о своей необычности, ведь еще не было популярных идей о здоровом образе жизни. Не был популярен бег или ходьба на свежем воздухе по утрам. Конечно, были люди в городе, которые постоянно бегали по утрам, но их было единицы, и это были люди, посвятившие себя спорту. Вариантов было немного.

Спорт в городе был довольно популярен. При заводах имелось множество спортивных секций, в которых занимались все от мала, до велика. На каждом предприятии и школах города имелись спортзалы, спортивные сооружения и спортивные команды по многим видам спорта. На нашем заводе регулярно проводились соревнования между командами крупных цехов по футболу, хоккею, волейболу, шахматам и шашкам, городкам. В городе проводились соревнова-

ния между сборными командами заводов, школ, средне-специальных учебных заведений по тем же видам спорта, плюс по легкой атлетике, гандболу, настольному теннису, стрельбе из малокалиберной винтовки, лыжным гонкам, волейболу и баскетболу. Причем, в школах было по три команды по футболу и хоккею (три возрастные группы). Соответственно, в области были организованы соревнования между сборными городов области и соседних областей. Каждое воскресенье в городе проводились какие-либо состязания между сборными городов, популярные у населения и собирающее большое количество зрителей. В сборных городах по футболу и хоккею было тоже по три команды разных возрастных групп. Тренировки в секциях и сборных проводились, как правило, во второй половине дня и вечером.

Но вот утренний спорт еще необычен для обывателей, поэтому выбор мест для занятий у меня не большой. Стадион, заваленный снегом, дороги поселка, тропинка вдоль территории завода в сторону дер. Иваново и тропинка (если есть) вдоль железнодорожной ветки. Когда я вышел на улицу и, обратив внимание на утреннюю темноту, решил однозначно – стадион, а то, что он завален снегом, то это дополнительная физическая нагрузка при беге по сугробам. Все, вдохнул морозный воздух и побежал... в туалет.

Не пробежав по стадиону и круга понял, что погорячился. Бегать по колено в снегу, покрытому коркой наста, это что-то! Каждый шаг давался с трудом. Ноги с усилием при-

ходится поднимать повыше, выдирая из снега. Дыхание сбилось уже через сто метров, а еще через двести метров от меня валил пар, дышалки уже не хватало и ноги не поднимались. Еще «пробежав» метров сто я выдохся окончательно и, остановившись, уперся руками в колени, пытаюсь восстановить дыхание. Я был удивлен, да что там кокетничать – поражен своей слабостью. Только теперь понял, что надо серьезно обратить внимание на собственную выносливость. Отдышавшись и вытоптав небольшую площадку, провел разминку, выполнил несколько упражнений на растяжку (тоже надо обратить внимание), попрыгал и поприседал. Провел «бой с тенью» так, как я его понимал, представляя перед собой виртуального не то боксера, не то кикбоксера. Сбегал уже по натоптанной тропинке к спортзалу, поподтягивался, попереворачивался на турнике и поотжимался на брусьях. Хорошо, что эти снаряды год назад поставили на улице перед входом в спортзал завода. Все, вроде время на зарядку вышло. Побежал домой, удивляя немногочисленных ранних прохожих. Время для основного сплошного потока работников завода еще не пришло. Дома вымылся, насколько возможно сделать это под ручкомойником. «Как же не хватает душа, даже с холодной водой!» – посетовал про себя. Снегом обтираться возле барака побрезговал, так как некоторые соседи выплескивают грязную воду в сугроб возле подъезда.

В школе все шло своим чередом. Пришлось побегать по своим комсомольским делам. Впереди мероприятия к празд-

нованию 23 февраля – Дня Советской Армии и Флота. Планировался школьный концерт, спортивные межшкольные соревнования, конкурс рисунков и поделок про армию. У пионеров – смотры строя и песни и Зарница.

Продумав, на перемене завел разговор с Филом про бизнес с иконами. Все-таки у него голова варит – может, предложит свои оригинальные идеи, ведь речь идет о деньгах. Ему, ничего не скрывая, выложил всю схему. Под какой легендой промышлять, где искать, как, кому договариваться, как рассчитывать, кому, где и как сбывать и чем это может нам грозить. Кого можно привлечь в команду на постоянной основе, а кого привлечь разово. Как распределять доход. Привлекательность идеи Фил оценил сразу, а продуманность его, если и удивила, но вопросов он не задал. Продумав некоторое время, Фил стал фонтанировать идеями. Зацепило! С некоторыми предложениями я соглашался, некоторые отвергал сразу, об иных спорили. Действовать решили в ближайшее воскресенье.

Я помнил, что ближайшим летом будет создана в нашем классе туристическая команда школы и организован тематический туристический поход. Руководителем похода будет Михалыч. Он же и предложит маршрут похода – по руслу самой крупной реки в районе Волочи. Маршрут – почти от истока и вниз по течению до границы района. Конечно, маршрут Михалычем был выбран с умыслом, как заядлым рыбаком, хотя официальной целью похода было посещение ис-

торических мест и достопримечательностей, расположенных на берегу исторически знаменитой реки.

Когда-то Волоча являлась альтернативным Волжскому водным путем для связи южных русских княжеств с Новгородской республикой в периоды княжеских междоусобиц. С незапамятных времен ее берега заселяли люди разных народностей и даже были обнаружены стоянки первобытных племен.

Нам же все равно было куда идти, лишь бы в поход. На маршруте в разных деревнях, заселенных и брошенных мы побывали во многих старых, заброшенных, разрушающихся церквях и храмах, на старых кладбищах уже не использующихся. В деревне Душкино, расположенной в километрах в пятнадцати от города (большую часть пути до нее можно было проехать на рейсовом автобусе) в деревянной полуразрушенной церкви мы нашли много старых деревянных икон, валяющихся прямо под ногами.

Туда я наметил первую пробную вылазку пока вдвоем. На другой перемене отловил соседа по коридору своего барака Валерку Фрола. Его тоже попросил поспрашивать у себя в деревне иконы и старые вещи. Обосновал это идеей об оказании комсомольской помощи в комплектации краеведческого музея. (Школы, города или области не уточнял). Такое предложение может прокатить, как поступившее от комсомольского активиста. Стимулировал поиски тем, что за особо ценные вещи можно получить деньги, конечно после за-

ключения и оценки специалистом. Валерка с хозяином вещи может получить немалый процент от этой суммы, но для этого необходима небольшая канцелярская работа – то есть записывать информацию о полученной вещи для памяти с адресом и фамилией владельца, историю вещи, название или как ее называли в семье. Отметил, что не подходящие для музея (ха-ха три раза) предметы старины по желанию владельца вернут. Строго предупредил о недопустимости кражи чужого имущества и незаконном обороте оружия. Увидев, заинтересованность и понимание в глазах и ответив на некоторые вопросы (чувствую, потом количество вопросов возрастет геометрически и не на все я смогу ответить), помчался на урок географии.

Пришлось отвечать по домашнему заданию, и еле вытянул на четверку, так как еще не отошел от первого и важного разговора с потенциальным членом команды, а потом на уроке мы с Филом получили по замечанию от учительницы Валентины Ивановны (нашего классного руководителя) за активность, не связанную с уроком. У Филя свербилло и все больше возникало вопросов по делу и без. Юрка почувствовал запах халявных денег и его энтузиазм неизмеримо вырос, что даже стало меня немного напрягать, ведь одной из версий причины его сумасшествия была как раз коммерческая деятельность. Ладно, первый этап сбора антиквариата и последующая реализация покажет выгоду и неизменные трудности, но думаю, что дело пойдет, и выгода будет

очевидной. Ведь в будущем читал про ребят, занимающихся много лет поиском и продажей икон, про их прочесывание деревень Севера и Сибири. Если им выгодно, то почему не может получиться у нас?

На одной из перемен подкатил к однокласснику Сереге Семихину по поводу гитары. Знаю, что он давно уже тренирует на любительском уровне дома и в кругу близких друзей. Я в этот круг не вхож, так как он домашний мальчик и живет в Новом районе. Знаю, что в десятом классе Сема будет играть, и петь (!) в школьном ВИА. Попытался выяснить – не знает ли у кого есть гитара на продажу? Где и у кого он учился играть? Оказывается, он музыкальный вундеркинд. Узнавал и записывал у знакомых гитаристов аккорды популярных песен, а дома репетировал. Таким образом освоил гитару где-то за полгода. Мог и раньше, если бы репетировал каждый день или хотя бы чаще, чем это было у него, но достиг того уровня, когда стал способен сам подбирать аккорды к незнакомой мелодии. Взял у него обещание поспрашивать в своем кругу о продающихся гитарах. Все-таки гитары в это время популярны у молодежи и в магазине свободно не лежат, да и качество предлагаемых нашей торговлей гитар низкое. Хотелось бы заиметь гитару, если не эксклюзивную, но и не дрова.

Сегодня у меня в школьном спортзале по расписанию спортивная секция. Хотя ноги и пресс начинали болеть после утренней зарядки или можно назвать тренировки, но на-

до идти, ведь ребята собираются.

Сегодня собралось всего семь человек. Самостоятельно поразминались. Я позанимался на турнике, брусьях, порастягивался, погнулся на полу и у гимнастической стенки. Удивил ребят, отжимаясь от пола на кулаках, бою с тенью и отработкой ударов ногами. Через пару часов свернул секцию, отговорившись делами. Пусть в будущем интенсивней занимаются, а то много болтают и смотрят, разинув «варежки», как другие тренируются.

Двинул в массы идею о боксерской груше. (Михалыч молчит). Через недельку нужно снова поднять вопрос, если сами не сделаем, а вот боксерские перчатки он вполне может достать (их не сделать). Надо Михалычу намекнуть, что во второй и пятой школах вроде есть груша и перчатки. Он человек амбициозный и не захочет терпеть, что кто-то из его коллег его обошел. А если мои сведения не подтвердятся (вдруг будет выяснять?), то всегда можно отговориться, что меня самого ввели в заблуждение. Поймал себя на мысли, что мне все больше приходится врать и выкручиваться, но моя цель того стоит. Не зря иезуиты веками действовали и процветали под лозунгом – «Цель оправдывает средства!»

Дома уроки заняли опять немного времени, а там пришел отец и позднее мама, так как заходила в магазин. Сегодня отцу не удалось улизнуть, и его заставили заниматься чем-то по хозяйству. Заскочил Валерка с возникшими вопросами. Как смог ответил. Он обещал уже заняться нашим делом в

ближайшие выходные. Мысленно отметил, что наши идеологи упускают хорошую возможность занятия досуга полезными делами молодежи из-за отсутствия мотивации, в том числе материальной заинтересованности. Знаю пацана из школы, скептически и снисходительно относящегося ко всем пионерским и комсомольским инициативам (конечно бесплатным), но куда делась его «печоринская» поза, когда его мать стимулировала рублем за каждую тачку навоза, доставленного от недалекого коровника на их дачный участок. Десяток тачек за несколько часов и червонец в кармане!

Второй день. Вечер с ребятами.

Делать дома было нечего, поэтому решил сходить в спортзал потусоваться с ребятами. Своих нашел в одной из раздевалок спортзала. Пожав друзьям руки, примостился на гимнастическую скамейку и, не вступая в разговор, приготовился слушать ребят. Как всегда, шел треп ни о чем, пока Юрка Крюков не спросил меня:

– Ты в школе предлагал найти или сделать боксерскую грушу. Зачем?

– Груша здорово помогает при отработке различных ударов – прямых, боковых, апперкотов, в голову и по корпусу. Не зря груша входит в обязательный перечень спортивного инвентаря боксеров. Без нее не научиться сильному и точному удару. Может, кто знает, где ее можно достать? Тогда самим делать не придется, – попытался заинтересовать пацанов.

Разом заговорили, кто по теме, а кто просто про бокс. Двое вскочили и стали шутливо боксировать, изображая удары, уклоны, нырки и довольно правдоподобно.

– Ладно. Недельку поищем, а потом делать начнем, – подытожил я.

Сергея Леднев (самый старший из нас и самый рыжий) вдруг заметил:

– Перчатки еще нужны, без них даже по груше не поступишь.

Я с ним был согласен, но промолчал. Ждал, пока другие выскажутся. Большинство все же склонялось, что можно обойтись без перчаток. Наконец, кто-то вспомнил про Горбатова.

– Разговор с Горбатовым не помешает и если он сможет нам помочь, то перчатки лишними не будут. В крайнем случае, при тренировке с грушей кисти можно забинтовать, – отметил я, – а перчатки не мешок, хороших не сделать. Кто к нему пойдет разговаривать? – оглядел друзей.

Молчат, переглядываясь.

– Кто хоть знает, как его отчество? – озадачился сам, – а то все Лехой старика зовут, как пацана.

Никто не знал, хотя все его видели с детства. Сошлись на том, что его все зовут Лехой, а по отчеству никто его не называет. Леха, да Леха. Постепенно разговор перешел на поселковые сплетни. Послушал, подумал: «А вдруг?»

– Никто не знает, кто-нибудь гитару продает? – опять подкинул тему.

Все опять оживились, загомонили, посыпались шуточки. Не отвечая на подколки, пояснил:

– Никто из нас не играет ни на чем, кроме нервов. Скучно. Вот я и решил привнести культуру в наш дружный коллектив.

Леднев вдруг заявил с сомнением:

– У моего брата есть, только даст ли?

Я вспомнил старшего брата Сереги, не рыжего, скорее

блондина. Братья внешностью друг на друга были совершенно не похожи.

– Я хочу купить, – обнадежил я его.

– Спрошу, когда увижу. В последнее время дома не ночует, – пояснил.

Опять новая тема обсуждения, шутки и смех. Редко, кто из нас живет в благоустроенной квартире или имеет отдельную комнату, куда можно привести подружку, тем более на ночь.

– Где-то в городе, – уточнил Серега.

Все замолчали, так как жизнь в городе всем нам казалась жизнью на другой планете. Там в новых пятиэтажках жильцы не теснятся впятером на восьми квадратных метрах с печкой, как у Сереги Яшкина.

– Серега, пойдем, сходим к Горбатову Лехе. Ты солиднее выглядишь, – предложил Ледневу, поднимаясь с лавки и поморщился, испытывая боль в мышцах.

Неохотно он пошел за мной.

– Все равно ты говорить будешь, – утвердил он.

Мы поднялись на второй этаж спортзала. Там находились тренерские комнаты, раздевалки, кладовые и другие технические помещения. Горбатова мы обнаружили в помещении, полном мужиков в разной степени поддатости.

Таких «клубов по интересам» для мужиков вне рабочее время в нашей жизни полно. Есть околomuзыкальная тусовка, гаражная, пивная и алкогольная, карточная, а здесь – око-

лоспортивная, но выпивка приветствовалась везде.

В нынешнее время у людей дефицит общения. Выбор не богат – лежать на диване перед телевизором, по которому смотреть нечего или пойти в свою сложившуюся компанию в гаражах, в клуб, в спортзал, в пивнушку, в чью-либо квартиру (летом во двор) поиграть в домино или карты. Когда появились компьютеры и интернет, лавинообразно возросла популярность социальных сетей, зато пропал у подростков интерес к спорту. Не стало мужских гаражных посиделок. Днем можно только встретить группы прогуливающих мужчин-пенсионеров, выгуливающих здоровье и старушек, занимающих лавочки.

В помещении плавали клубы табачного дыма настолько густые, что глаза заслезились. Стоял неумолкаемый деловой шум, слышались пьяные голоса, смех. Кто-то играл за столами в шашки, а вокруг толпились болельщики, бурно выражая свое мнение об игре и вслух обсуждая варианты ходов. Естественно, на наиболее удачные подсказки игроки обиженно возмущались. Где-то звенели стаканы. Кто-то просто в компании чего-то обсуждали. Хотя, чего гадать? Завершающийся чемпионат СССР по хоккею. Тут все болельщики.

Выглядев Горбатова в одной из компаний, я подошел и, потянув его за рукав, начал быстро говорить:

– Дядя Леша! Простите, не знаю вашего отчества. Можно Вас на минуточку?

Удивленно посмотрев на нас с Сергейой, стоящим у меня за

спиной, мужики озадаченно замолчали. Выйдя в коридор я и, стараясь быть убедительным, изложил свою просьбу Горбатову. Озадаченное выражение его лица сменилось на снисходительно-ироничное.

– Да зови, как звал, племянничек, – насмешливо протянул он и предсказуемо спросил: – А зачем вам? – с хитринкой, за очками прищутив глаза.

«Уф! Сразу не отказал!» – перевел дух и выдал заранее подготовленную легенду:

– В школе у нас ведется секция под общим контролем Геннадия Михайловича. В Восточном поселке есть парень после армии, готовый на общественных началах позаниматься с нами боксом и сам форму хочет поддерживать. Раньше он занимался где-то боксом. Перворазрядник. Если необходимо, можем из школы запрос на боксерский инвентарь подготовить.

Немного привирая, я ничем не рисковал. Завод шефствует над школой, Михалыч в курсе моей затеи, а мифический тренер-общественник может и «передумать».

Глядя на хитро задумавшегося дядю Лешу, разглядываю его. В прежней памяти мне он казался старше. Среднего роста поджарый мужичок, лет пятидесяти или больше, одетый в потрепанный пиджачок и не свежую рубашку. Морщинистое лицо, с претензией на интеллигентность (из-за очков?). Он в спортзале был за всех – директором, снабженцем, кладовщиком, бухгалтером и обслуживающим персоналом. Ле-

том ухаживал за футбольным полем (сеял и косил траву, делал разметку, красил ворота) и стадионом. Зимой заливал, наносил разметку и чистил снег на хоккейном корте.

Наконец он принял какое-то решение:

– Ты смотри, какая смена растет? – улыбнулся открыто, – Старенькие груши, лапу и перчатки я найду, где-то были. Приобрели в свое время для заводчан, но с боксом не сложилось. Передать на баланс школы не смогу официально из-за финансовых заморочек, – изобразил огорчение, – но вы ребята мне симпатичны, я вас знаю, – слукавил. – Я всегда готов поддержать стремление молодежи к спорту, – опять задумался, хитро поглядывая на меня и закончил:

– Передать не могу, а вот продать...? Рублей за семьдесят? – открыто с насмешкой разглядывал наши озадаченные лица. – Ладно, за сорок, – скинул.

И тут же начал убеждать:

– Инвентарь старый, но пригодный и еще послужит. Мог бы ринг предложить, но он может уже и подгнил, ремонта требует, да вам, наверное, и не к чему пока. Могу еще боксерки посмотреть? – выжидающе замолчал.

– Мы на соревнования не собираемся, только для себя, – задумчиво протянул я. – Надо с ребятами посоветоваться. Скорее всего, купим груши, перчатки и лапу.

– Ну, вот и договорились. На следующей неделе буду разбирать склад, достану, тогда и приходите, – поворачиваясь к двери, довольно улыбается он и, обернувшись на нас, хмык-

нул.

«Вот ведь жук! Наверняка все это давно списано – лень выбрасывать или для подобных случаев. Сейчас радуется, небось – развел малолеток. Тут он не угадал!» – размышляю по дороге к ребятам.

Нахожусь немного в растерянности – не ожидал, что так легко и быстро решу вопрос. Ребята скинутся, пусть понемногу, а остальное выпрошу у родителей. Зря что-ли стал примерным сыном и даже учусь без троек – поощрение требуется. Прикинул – нас, постоянно посещающих секцию человек десять-пятнадцать. Боксом заинтересуются, допустим, человек десять и скинутся по четыре рубля. Неужели не найдут?

«Надо на днях посетить библиотеку и поискать методички по боксу, а заодно по иконам литературку», – вспомнил. Может про иконы ребятам сказать? Нет, лучше персонально разговаривать с каждым.

Вернувшись к ребятам, заметил: «О, опять кто-то курил?» С недавнего времени мы приняли решение (по моей инициативе) вести здоровый образ жизни и большинство бросили курить, но не все. Такие особо упертые, как Саня Михалишин (Миха) и Вовка Хрулев наотрез отказались расставаться с вредной привычкой, а глядя на них и другие изредка потягивали сигареты.

Пацаны сообщили, что приходили Дракон с Женькой Стрижевым и предлагали в субботу на танцах быть готовым

к драке со стационарными. Мутные они – Серега Кондрашов (Дракон) и Стриж. Всегда готовые что-нибудь украсть, подломать ларек, очистить карманы у спящего пьяного, а в драке не надежные. Наверняка, добычу не поделили с такими же. На станции подобных личностей хватает – шарят по грузовым вагонам, контейнерам и складам. В будущем Дракон и Стриж неоднократно сходят на зону. Дракон сопьется, опустится до бомжа и пропадет. Женька к пятидесяти годам остепенится, и где-то осев в Сибири, начнет строить храмы, часовни и церкви. Увижу потом по интернету его фотографии на фоне строек культовых зданий с синими от наколок кистями рук и потрепанным жизнью лицом.

– Грехи надо отрабатывать! – объяснил мне по Интернету.

На наше заявление о найденном спортивном инвентаре ребята воодушевились и даже не огорчились, узнав о сборе по четыре рубля. Быть умелым в драке и иметь сильный удар хотелось многим. Знаю, что тем же Михе, Ледневу и еще некоторым, бокс неинтересен и деньги они, наверняка не принесут. Обойдемся.

Постепенно стали расходиться по домам, в спортзале секции заканчивались и скоро всех начнут выгонять. Вдруг вернулся Крюк:

– На улице в ж...пу пьяная Маринка Жаркова. Черт с Крокодилем пытаются ее куда-то драть утащить, – выпалил он в дверях.

Черт с Геной Крокодилем учились в нашей школе и жи-

ли у станции. Маринка их одноклассница или с параллельного класса – на год младше меня. Черт, всегда сексуально озабоченный. «Слишком много слухов ходило о его домогательствах к девчонкам», – вспомнил. Мою одноклассницу – Надьку Федорычеву из Дашкина поселка, отловив где-то на станции, Черт со своей компанией пытались трахнуть, но прохожие спугнули. Коренастый, неопрятный, с бледной нездоровой прыщавой кожей на лице и похотливой улыбочкой. Черт – одним словом! Как он не загремел по сто семнадцатой? (Из будущего я этого не помню про него).

Мы поспешили на улицу. У клуба, покачиваясь и держась за спинку скамейки стояла Маринка Жаркова с какой-то подругой. Из-под короткой зимней куртки свисала выбившаяся белая ночнушка. «Уже штаны стаскивали», – догадался.

Рядом с ними стояли Черт с Геной. Черт в чем-то убеждал Маринку, а она, похоже, ничего не соображала, только пьяно улыбалась или набивала цену, считая, что кокетничает. Мне было все равно, что с ней будет. Оторва еще та! Много про нее всем известно. Гена стоял, кивал и улыбался, слушая Черта. Крокодил – парень атлетически сложенный, высокий и в драке неплохой боец. Увидев подходящих нас, Черт прервался и досадливо поморщился. Я отозвал Гену в сторону и предупредил о возможной драке на танцах. Не хочется мне вписываться за интересы Дракона, тем более среди станционных много нормальных ребят. Бывало, нас поддерживали при разборках с городскими. Гена кивнул, не сказав ничего.

Ладно, пусть сам решает. Я все, что мог, сделал. Будет драка, будем биться. Видя, что мы не вмешиваемся, Черт продолжил уговоры. Подошли еще несколько поселковых ребят, а среди них мои бывшие корешки из «бригады».

– Вот кто меня проводит! – пьяно воскликнула Маринка, протягивая руку к Славке Антонову.

Аниська, со смазливym лицом и высоким ростом, всегда нравился девчонкам. Он, снисходительно улыбаясь, позволил Маринке ухватиться за себя, с видом превосходства кивнул всем и повел ее в сторону Маринкиного барака. Подруга, как корова пошла за ними. Переждав вал скабрeзных шуток в их адрес, Черт с Геной потихоньку, как шакалы потянулись за ними. (Вдруг и им перепадет чего).

Мне не очень хотелось общаться с Грузином, и мы с Ледневым, распрощавшись со своими, пошли домой. Серега жил в Белом доме.

Уже в постели подвел итоги прошедшего дня. Я доволен – процесс пошел. Теперь главное – не сбавлять темпа. Незаметно засыпаю.

Третий день.

Утром, стая и проклиная все и всех, собрался на зарядку. Кажется, что не болели только лицевые мышцы.

«Спортсменом назывался!» – ехидничаю про себя.

На стадионе постарался не снижать вчерашнего темпа. Разогревшись, тело уже не так болело, а бег по снегу давался легче. «Может потому, что бегу по вчерашним следам?» – анализирую. В разминку добавил маховые движения ногами с шагом для растяжки.

В школе на математике я добросовестно пытался вникнуть в преподаваемый материал, но постоянно ловил себя на том, что постоянно уплываю мысленно. Если пытаюсь осознать алгебру, то пока обдумываю материал – отстаю и через некоторое время понимаю, что учительница ушла уже вперед, а я, не поняв изложенное ранее, не понимаю, о чем говорится сейчас. Мне всегда было легче учить по учебнику или записанному автоматически, а тут еще мысли всякие приходят, не связанные с алгеброй, что тоже мешает пониманию. Все-таки я – визуал. Смирившись с тем, что никогда не получалось учить уроки со слов преподавателя, успокоился и перестал слушать вообще. Дома читаю.

Все-таки правы в чем-то некоторые теоретики реформы образования. Многие, чему нас учат в школе – в жизни не пригодится и надо упрощать школьную программу. Напри-

мер, если не думаешь связывать свою жизнь с математическими науками – зачем нам этот анализ? Также и с химией, физикой, литературой и другими предметами.

Вот хвалятся, что образование в СССР лучшее в мире. Может это и так. Мы выигрываем на международных школьных олимпиадах, на студенческих – уже на равных, а современных нобелевских лауреатов у СССР в науке почти нет.

В промышленности, новых технологиях, электронике мы отстаем от Запада на годы, и разрыв все больше увеличивается. То, что производит наша промышленность, особенно легкая не отличается ассортиментом и привлекательностью, вот все и гоняются за импортом. Накормить свое население не можем, а дальше все будет только хуже. Всем помогаем по всему миру, а кофе, апельсинов, бананов и других экзотических фруктов на прилавках не видно.

Урожай собираем, а сохранить не можем. Хвалимся собранным урожаем, а сколько его дошло до потребителя – все молчат. Может треть или половину сгноили, поэтому зерно покупаем в Канаде и США. Фрукты ввозим из других стран, а у матери осенью регулярная головная боль – куда девать часть дачного урожая? На семью много. А по стране? Конечно, никто не голодает, в холодильниках все есть, но почему в провинции всем все приходится доставать, а не покупать в местных магазинах. Почему в кавказских республиках, в Прибалтике, в Белоруссии и на Украине живут значительно богаче, чем у нас в городе или соседних колхозах?

Из послезнания – потому, что живут союзные республики за счет нас, моих родителей, родителей моих друзей и одноклассников. В СССР, только РСФСР, Белоруссия (высокотехнологическая промышленность) и Азербайджан (нефть) – не дотационные республики. Да и Белоруссию поднимали всей страной до нынешнего уровня. Вот поэтому все в национальных республиках, не зная реального положения вещей, считают себя умнее, ловчее, умелей русских. Кто может сказать правду? Государственная политика и идеология такая. Популярны лозунги: Украина – всесоюзная житница, Кавказ – всесоюзная здравница, Прибалтика – витрина СССР и так далее. А что делать?

Перекроить СССР, отменив деление по национальным республикам. Переделить страну на губернии (или придумать другое название) с областями. Поставить все регионы в равные условия, может тогда в РСФСР поднимется уровень жизни, и на исконно русской территории будет жизнь привлекательнее, чем на какой-нибудь Украине или не хуже. Тогда не будет «парада суверенитетов» в девяностые годы, когда экономика рухнет из-за преступного бездействия (застоя) или преступных решений партийного руководства (Афганистан, безалкогольная компания) и ослабнут партийные скрепы.

За рубежом надо оказывать помощь тем странам, которые предоставили нам территорию под военные базы, расплачивались бы своими товарами или полезными ископаемыми. И

социалистические догмы надо менять, а то и отменять.

От нынешней жизни в провинции молодежь бежит в большие города, где больше возможностей и лучше со снабжением. После окончания десятого класса школы из одноклассников в городе останутся единицы.

Надо вернуть сталинские артели, кооперативы, разрешить мелкую частную собственность в сельском хозяйстве, легкой промышленности, общепите и частную инициативу. В тяжелой промышленности ликвидировать уравниловку и заинтересовать всех от директора до уборщицы в сбыте качественной продукции, снижении издержек производства, повышении производительности труда.

Вот и урок закончился. Надо записать, что задали на дом. Неужели я такой тупой, что не могу понять алгебру на уроке? Все-таки я лучше усваиваю написанную информацию, чем на слух. Надо спросить у Фила, зачем он записывает за учительницей и все ли понимает, что она говорит?

Сегодня последним уроком физкультура – лыжи. Вспомнил, что Михалыч на прошлом уроке объявлял, чтобы принесли из дома свои лыжи. Вон в углу несколько пар стоят. Планируется лыжная гонка на время. У кого нет своих лыж, будет ставить рекорды на школьных дровах, которые называются лыжами. Лыжами я не увлекался. Из старых детских лыж уже вырос, а новые не собирался заводить. Пробегу и на дровах, хотя у Михалыча вроде есть более нормальные лыжи (несколько пар с ботинками). Если не достанутся – не

расстроюсь, так как лыжный спорт меня не привлекал.

Кстати, зимы в это время более снежные и морозные. Особенно в этом году температура ставила рекорды – опускалась до минус сорока двух градусов. В зимние месяцы только в одну из зим помню лужи на улицах несколько предновогодних дней, а в будущем веке оттепели зимой ежегодные, и лыжню на снегу можно за все зиму не увидеть и многие не умели кататься на лыжах и коньках. Сейчас же едва ли найдется подросток, ни разу не встававший на лыжи или коньки. Ледовые катки в вечернее время полны детворы и молодежи. В поселке каждую зиму заливали два катка (один при спортзале – хоккейный корт), не считая прудов. В городе организуют большой каток при заводе ГАРО – заливают футбольное поле целиком. Там есть раздевалка, пункт проката коньков, буфет и музыка. Иногда своей компанией ходим туда поприкалываться над девчонками (познакомиться) или подражаться с пацанами из других районов города. В субботу и воскресенье на реке и ее берегах толпы лыжников.

Сегодня, после уроков – расширенное комсомольское бюро школы, где кроме членов бюро должны присутствовать комсорги классов. Главный вопрос – подготовка мероприятий к празднованию 23 февраля. «Стоит пробежаться по классам и напомнить об этом активистам», – решил.

Лыжами мы занимались по обыкновению за железнодорожной линией вдоль лесопосадок.

Эти лесопосадки вдоль железной дороги играли большую

роль в жизни населения поселка. Все их называли – «Березки». Лесов около города поблизости не было, поэтому в Березках мужики ближайших предприятий устраивали посиделки с распитием спиртного, парочки искали места для уединения, а молодежь организовывала пикники. Детвора находила места для игр. Наш класс отмечал в Березках последние звонки после окончания восьмого и десятого классов, как и многие поколения выпускников нашей школы. Там же проводились Зарницы и лыжные гонки. В сезон можно искать грибы и собирать березовый сок.

Михалыч объяснил маршрут и объявил, что результат будет оцениваться в журнале. Заодно будет производиться отбор кандидатов в лыжную сборную школы. Сборная будет в ближайшее воскресенье участвовать в общегородских соревнованиях по лыжным гонкам и лыжной эстафете.

Мне без дополнительных усилий достались неплохие лыжи с ботинками. Я никогда не отличался высокими результатами в беге на лыжах, а сегодня решил просто проверить себя. К своему удивлению показал второй результат после нашего признанного лыжника Толи Чапеля. Михалыч был тоже удивлен моим результатом и даже усомнился – всю ли дистанцию я пробежал? Но так как со старта Михалыч запускал каждого через десять секунд – нашлись свидетели из девчонок моего поворота в установленном месте.

Безапелляционно Михалыч объявил о моем участии в городских соревнованиях, даже предложил отобрать лыжи по-

лучше из школьных и забрать их домой для тренировки, если нет своих. Зачем мне это? На воскресенье запланирована наша первая с Филом вылазка за иконами. Наткнулся нам вопросительный взгляд Филадельфа. Пожал плечами в ответ: «Будем думать». Обижать Михалыча отказом и терять его расположение не хотелось. Всю дорогу при возвращении в школу Фил возмущенно шипел и упрекал меня:

– Не мог похуже пробежать? Ведь срывается важнейшая операция!

– Не мог. Сам не знал, что покажу такой результат, – отмахнулся.

– Надо было тебя за штаны держать. Придумай что-нибудь для отмазки от соревнований. Может тебе ногу сломать на воскресенье? – продолжил он фонтанировать идеями.

– Придется школу прогулять, только выбрать надо день посвободней, – решил.

– Давай завтра? У тебя на завтра нет никаких собраний-заседаний? – намекнул на мою общественную нагрузку.

Попытался вспомнить свои планы на ближайшие дни. Сегодня – расширенное заседание комсомольского бюро и секция по ОФП. Завтра в пятницу – первая и единственная тренировка по стрельбе из малокалиберной винтовки в тире, а я вхожу в сборную школы по стрельбе. На следующей неделе – соревнования по стрельбе между школами города, также приурочены к празднику. В субботу? Пожалуй, в субботу. В воскресенье – лыжи и у пионеров – Зарница. На следующей

неделе, вплоть до праздника, свободных дней не будет вовсе наверняка. Решено – суббота. Так Филу и объявил.

– Прогуливать будем? Всегда готов! – дурачится.

– Нет. Попробую к Сан Санычу подойти, – задумчиво протянул.

– В долю возьмем? – ехидно поинтересовался Фил.

Радость от не отложенного мероприятия его не оставляет.

– А это мысль! – внезапно озарило меня.

Фил опешил и вопросительно заглянул в лицо.

– Ты что, серьезно? – испугался за мое здравомыслие.

– Нам в команду нужен кто-то взрослый с паспортом, – терпеливо объяснил пришедшую мысль (у меня-то паспорт есть – получил в ноябре, а у Фила еще нет), – Кто-то вроде зиц-председателя Фунта, готового слегка рискнуть и немного заработать. Пойми, нам лучше всего предлагать старину в антикварные магазины. Там больше вероятности, что дадут цену, близкую к реальной. Конечно, постараются максимально опустить ее. С нами – детьми, по сути, серьезно разговаривать не будут, если только потом, когда связи наладим. Там придется, наверное, сдавать антиквариат официально по паспорту с оформлением квитанций. К неофициальным антикварам нам, без взрослого человека соваться совсем не с руки – сто процентов кинут или даже попытаются отнять наш товар, как только поймут, что за нами никто серьезный не стоит.

– И здесь засада, – теперь Фил задумался. – Кого позо-

вем? – он решил не отступать.

– Время еще есть, подумаем над кандидатом в Фунты. Нужен тот, у кого язык на замке, нет своей компании, без завышенных амбиций и согласный слушать нас. Не жадный до денег и готовый на небольшой риск. Способный съездить с нами в Москву тогда, когда скажем и, который не прочь заработать.

– Ага, и швец, и жнец и на дуде..., – теперь всерьез задумался Фил, но довольный, что он во всех планах присутствует.

В школе, отбирая лыжи себе на соревнования, обрадовал Михалыча результатом беседы с Горбатовым и выбил разрешение хранить боксерский спортивный инвентарь в школе.

Третий день. После уроков.

Передал Филу (он тоже иногда посещает секцию) ключ от спортзала и попросил передать мою просьбу спортсменам не разбегаться до моего возвращения с бюро – от меня будет важное сообщение.

На бюро быстренько разобрались с планом мероприятий к празднику. Проблема возникла с Зарницей. Присутствующий военрук попросил выделить ответственных старшеклассников для командиров отрядов (классов), участвующих в игре. Поставил задачу комсомольским секретарям классов – завтра подобрать и представить кандидатов (пару от класса).

Потом, вдруг выступила член бюро из восьмого класса Светка Воронкова, активная, пробивная по жизни, зажигалочка.

– В концертах всегда выступают одни и те же, а многие девочки тоже хотели бы выступить! – сверкая глазками, с жаром заявила.

Некоторые присутствующие девчонки одобрительно закивали.

Номера школьных концертов уже сложились за много лет. Учительница пения по вокальным данным отбирала из школьников кандидатов в школьный хор, для сольных исполнений, дуэтов, трио и так далее и репетировала с ни-

ми вокальные номера. Учительница литературы выставляла чтецов. Танцы представляли участники клубных танцевальных кружков младших возрастов и ансамбль бального танца «Вдохновение», где занимались с профессиональным хореографом преимущественно школьники старших классов нашей школы. Учащиеся музыкальной школы выступали со своими номерами. Завершал концерт, как правило, школьный вокально-инструментальный ансамбль. Все уже было продумано до нас.

Я неодобрительно покосился на инициативницу. Девчонки, конечно, хотели обратить на себя дополнительное внимание ребят. «А если...?» – промелькнула какая-то мысль. Пусть инициатива – имеет инициатора.

– Хорошо. Пусть согласные с этой идеей и желающие, останутся после Бюро, обкашляем, – объявил.

Обсудив остальные вопросы (текучку – задолженности по взносам, выдающиеся проступки комсомольцев, прием новых членов ВЛКСМ, выполнение планов мероприятий членами бюро на год и на квартал, общественная работа в классах и др.), завершил заседание.

Все довольные разбежались. Смотрю на пять оставшихся девчонок. Подозреваю, что две из них равнодушны ко мне. Удивлен, что среди оставшихся – одна из нашего и одна из десятого класса.

– Теперь по вашей инициативе, – задумчиво протянул, глядя в основном на Светку.

– Правда, кандидатки есть? – спросил иронично.

Девчонки кивнули, кто активно, а кто нерешительно.

– И сколько таких? – продолжил допрос.

По себе и друзьям знаю, что, как правило, на публичные выступления редко найдешь добровольцев. Оказывается, в восьмых классах (их в школе три) набирается около десятка девчонок и несколько – из нашего и десятого. «Как гормоны играют у девочек-подростков! Не успели проявиться вторичные половые признаки, а туда же!» – промелькнула ироничная мысль. Но я, наверное, не прав – сужу по себе и подобным пацанам, когда любая общественная активность считалась «западло».

– Что же вы и они умеют? – скептически поинтересовался.

Девчата начали наперебой перечислять фамилии, умения, кто, где, в чем уже себя проявил. Я даже растерялся от потока выплеснувшейся информации.

– Стоп, стоп, стоп, – поднял ладони. – Мы так со всеми ничего не решим. Давайте разбираться в целом и не забывайте о сроках. До концерта осталось всего несколько дней. Петь все умеют?

Задумались, потом начали перечислять каких-то девочек.

– Петь ВСЕ не умеют, – заключил.

– Танцевать? – продолжил опускать девчонок.

– На танцах танцуют все, – неуверенно заявил кто-то.

– Отпадает! Времени не хватит разучить и подготовить танец. Костюмы найти и подобрать, тоже не успеть.

«Вот вам реальность жизни», – мстительно подумал и продолжил:

– Сценку подготовить со всеми желающими реально, но тоже не хватит времени.

Гляжу на огорченные девичьи лица и размышляю: «Что можно сделать? Чем я нынешний, могу помочь?» Вспомнил, виденный когда-то в Интернете на Ютубе необычный и незатейливый танец. «Yes! «Вы хотите песен, их есть у меня!» – загадочно улыбнулся. Заметив улыбку, девчонки смотрят с надеждой на меня. Они наивно верят, что я сейчас, как фокусник из рукава, вытащу номер и осчастливлю всех.

– Есть у меня мысль, как вы с подругами можете поразить наповал зрителей. Такого еще никто не видел. Это танец, но незатейливый, разучивается на раз и не требует танцевальных способностей. Можно задействовать всех желающих, – по мере перечисления плюсов девчонки все больше оживляются и смотрят уже с нетерпением.

– А теперь минусы, – держу «мхатовскую» паузу, – необходимы сценические костюмы.

На лицах вижу удивление. «Все-таки, могу держать аудиторию», – мысленно аплодирую себе.

– На костюмы подойдут дешевые спортивные трикотажные костюмы черного цвета, черные банданы и солнечные очки. Также потребуется белая краска. Банданы – это платки или косынки, которые вы иногда носите, подвязанные сзади, – показал на свой затылок. – Очки для единообразия и

для загадочности, – добавил. – А белая краска нужна для покраски костюмов, – удивил. – Танец назовем... (сделал вид, что задумался) – «Домино»! Света и ты Таня (обращаюсь к однокласснице) идите сюда, – показал рукой на середину комнаты.

Встал рядом со смущенно улыбающимися девчонками.

– Берем, друг друга сзади за талии, – уверенно обнял их, выстроив в ряд. – А теперь представьте, что мы в спортивной форме, покрашенной в белый и черный цвет пополам, – рукой показал на себе. – Причем черный цвет соседствует с черным, а белый – с белым, – показал на себе и соседке. – Одинаковые цвета, одежда, платки, очки, если найдете, скроют вашу индивидуальность, но, в тоже время, создадут иллюзию еще одного человека между соседями, если мы начнем шагать под музыку и делать другие движения одновременно соседними ногами, – вижу недоверчивые лица. – Давайте девчонки, попробуем шагать. Таня, ты шагаешь левой ногой, я правой вперед и назад, – обратился к однокласснице, стоящей справа от меня. – Света тоже шагаешь левой. Поняли?

Неуверенно кивнули.

– Пошли. Раз! Шаг вперед. Два! Шаг назад, – не поняли, сбились. – Еще раз. Шаг вперед – Раз! Шаг назад – Два! – получилось. – А теперь делаем по два шага вперед и два назад. Пошли вперед – Раз, два, назад – раз, два. Вот уже лучше. Не трудно ведь? – смотрю на развеселившихся девчонок. –

А теперь вместо шагов, делаем махи ногами, опять я правой, а вы левыми. Раз, два, раз, два. Зрители будут видеть, что виртуальный человечек в черном или белом раскачивается между нами, – я кивнул головой вправо и влево. – Так же можем шагать влево и вправо. Начинаем с тех же ног. Пробуем, влево – раз, два. Вправо – раз, два.

Остановились, расцепились.

– Ну вот, как-то так. Можно еще добавить движений, приседаний. Проявите фантазию, – заключил я. – Еще надо бы музыку, подходящую подобрать. Для музыкального сопровождения танца можно задействовать баян или аккордеон. Да и баяниста подобрать, – вновь озадачил. – Ну, что скажете, подходит? – спросил, глядя на Светку.

Она задумчиво медлит с ответом и неуверенно кивнула. Зато Танька – одноклассница не утерпела:

– Соловьев, а ты откуда..., где это видел?

– А, не помню уже, – легкомысленно отмахнулся. – Но, как парень говорю, меня зацепило. И девочки, так привлекательно выглядели! – провокационно продолжил.

Вижу смущенные девичьи лица, но есть заинтересованность и мечтательность во взглядах, а Танька продолжила меня сверлить взглядом. Тут я вспомнил – она же постоянно на переменах смотрит на меня. Влюбилась, что-ли? Пора сваливать. Пусть переваривают предложение – лучшего, все равно ничего не сделать за оставшееся время.

– Все, мне некогда. Оставайтесь, решайте. Татьяна, вот

тебе ключ от комнаты Бюро, завтра отдашь. Если реши-
тесь, мне сообщите тоже завтра и ответственного выберите, –
вспомнил уже в дверях.

В спортзале качались человек десять. Пока переодевался,
обступившим ребятам заявил о возможности приобретения
боксерского спортивного инвентаря. Сообщил о сумме – по четыре
рубля с каждого. Услышав о груше, лапе и перчатках пацаны
воодушевились, а о деньгах не озадачились.

– Тогда с завтрашнего дня приносите мне деньги. На сле-
дующей неделе надо выкупать, – объявил.

Четвертый день.

На следующий день я постоянно ловил заинтересованные или любопытствующие девичьи взгляды, но на переменах мне было некогда. Еще на первой перемене договорился с военруком о предстоящем инструктаже, отобранных из старшекласников командиров отрядов для Зарницы. Сценария Зарницы сам не знал, да и не хотел знать. От попыток привлечь меня, хотя бы к судейству отговорился кое-как. Вот еще, игры в войну на себя вешать! Есть Совет пионерской дружины и пионервожатая – внештатник. Хватит. Обещал быть сегодня на стрельбе.

Потом на переменах ко мне потянулись комсорги классов со списками, а кто и с кандидатами в командиры. Всех отправлял на... инструктаж к военруку и ознакомление со сценарием Зарницы. Удивило, что некоторыми командирами были выбраны девчонки.

«Вероятно, у комсорга авторитета не хватило привлечь ребят», – догадался. Конечно, есть девчонки, способные дать фору пацану, но не в военной же игре. Наконец, на третьей перемене ко мне подскочила возбужденная Светка Воронкова с подружкой и затараторила:

– Согласны! И желающих много, даже не знаю, что делать? – выпалила на бегу.

– Так, стоп! Кого выбрали ответственным? – притормозил

ЭТОТ ШКВАЛ ЭМОЦИЙ.

– Кого, кого? Меня конечно, – обиженно и лукаво выглянув из-под челки, сверкнула глазами.

– Понятно. Что с девятым и десятыми классами? Есть желающие? – продолжил допрос.

– Еще никто не подходил. Ну их! Нас и так больше, чем надо набирается, – ответила.

Понятно. Не хочет терпеть высокомерие старшеклассниц, а те не желают терпеть сопливое командование, хотя Светка – вполне сформировавшаяся девушка и на личико приятная, похожая на актрису Марину Дюжев в молодости. Вот только росточком подкачала. Откуда, что берется? Сегодня заметил – уже семиклассницы пытаются глазки строить. (Отвлекся). Вон и Светка покраснела. Чувствует, что ли – о чем думаю нехстати?

– Если будут кандидаты из старших классов – не отказывай. Не правильно это. Вчера шла речь обо всех желающих, а не только из восьмых классов. Вот подбирать кандидаток желательнее по определенным параметрам, – девчонка покраснела еще больше, – главное, чтобы не сильно отличались по росту, – уточнил. – Хотя всех можно построить по ранжиру.

Заметив удивленный взгляд, пояснил:

– По росту. Не зрелищно из зрительного зала будут выглядеть, стоящие рядом, высокая и малорослая девчонки, – кивнули понимающе обе. – Дальше. Твердо определившись, кто с кем стоит, костюмы красить централизованно в одном

месте и одной краской. (Снова кивнули, почти синхронно). Важно, чтобы все отобранные были твердо уверены, что будут выступать на концерте. Иначе отсутствие одной в ряду, автоматически исключает участие соседки в представлении. (Задумались). Что насчет мелодии и исполнителя? – поинтересовался.

– Мы думали, но может ты, чего подсказешь? – хитрят.

Делаю строгое лицо:

– Мы ведь договаривались, что все делаете сами. А музыкант? Надо из школы, ведь здесь репетировать будете? – подсказал.

– Мы думали, – тянет Светка неопределенно.

– Учительница музыки или мальчик есть один в «а» классе. Он ходил в музыкалку по классу аккордеона, – вдруг прорезалась подружка.

– С ним еще не говорили, – вмешалась Светка.

Задумался:

– Учительница предпочтительней, опыт есть, всегда в школе под рукой, только, как у нее занятость с концертом? Поговорите с обоими, – кивнул, приняв решение.

Вдруг аккордеонист окажется гением малолетним.

– Все пора на урок, звонок уже давно был. Главное носы не вешать при встрече с трудностями. Если что – обращайтесь! – задорно улыбнулся и подмигнул.

Две неуверенные улыбки в ответ.

После урока «химичка» стала меня пытаться про вчерашнее

заседание, так как отсутствовала на Бюро по уважительной причине. «Мне это надо объяснять?» – удивился про себя. «Химичка» отвечала за внеклассную работу в школе, но для этой работы с молодежью совсем не подходила. По характеру – добрая и покладистая. Вероятно, в свое время, не смогла отвертеться от этой нагрузки. Старается быть полезной и поэтому излишне активная, но возраст и отсутствие креативности только мешают. Ее предложения в лучшем случае вызывают усмешки, в худшем – раздражение. Сам стараюсь с ней быть максимально корректным и проявлять уважение. Жалко – добрая она. Пересказал повестку дня и решения и, распрощавшись, поторопился к директору школы. Наш директор школы – в прошлом военный медик. Довольно серьезный, крутой мужик и как мне кажется, не совсем уважает женщин. Это немного заметно при его общении с ребятами и с девчонками или учителями-женщинами.

– А, Сергей, заходи. Сам хотел вызвать тебя, – воскликнул он, когда я, постучав, вошел в его кабинет.

– Разрешите, я начну, раз уж сам пришел? – доверительно улыбнулся.

Надо сбить его с его темы, а то потребует чего-то на завтра и все наши планы накроются. Он, удивленно улыбаясь в ответ, кивнул, отдавая инициативу.

– Нам с Филимоновым нужен завтра свободный день для своих дел. Каких, сказать не могу – не только мой секрет. Вас уважаю, потому не собираюсь врать. Вот и пришел сооб-

щить Вам, что завтра на занятиях нас двоих не будет. Вы нас знаете – на учебе и общественной работе это не отразится, – подробно изложил свою просьбу-решение.

– Та-ак, – протянул задумчиво он и полез в стол за папирусами.

Потом одумался, наверное, вспомнив, что я подросток и спортсмен и захлопнул стол.

– Что это за танец ты придумал, что восьмые на головах стоят?

«Взял паузу, чтобы собраться с мыслями», – понял я. Видимо, сильно нарушил его планы на завтра в отношении меня.

– Ничего особенного не придумывал. Видел где-то похожее выступление, представил, как зрелищнее можно сделать и подал девчонкам идею, а они уж сами дальше фантазируют. Посмотрим, что получится, – неопределенно пожал плечами.

«Не надо мне авторства. А сбор информации у директора поставлен. В нашем классе тоже есть стукачи? Хотя в жизни они есть всегда и везде. Почему их в школе не должно быть? Как быстро до директора дойдут слухи о наших махинациях с иконами?» – задумался.

– Все говорят про танец Соловьева, – настаивает.

Опять пожал плечами. (Мало ли, кто, что говорит?)

– Учителя с трудом на уроках порядок наводят, – продолжил он держать паузу.

– Если все получится, как у них запланировано, то на концерте всех шокируют, – продолжаю дистанцироваться от танца, но намекнул, что держу под контролем.

– Все эти танцы, концерты – вторично. Учеба – главное, – заявил директор без убеждения в голосе. – Как идет подготовка к празднику, в целом? – поинтересовался, как будто и не заявлял о важности учебы только что.

«А мысли-то у директора вздрай скачут. Что же он от меня хотел?» – озадачился вопросом.

– Все по планам. Сбоев быть не должно, – уверенно заявил.

– Ладно, иди на урок, – отпустил меня.

«Алло, гараж? А как же моя просьба?» – мысленно ору. Иду в класс, и до меня доходит: «Какое разрешение я от него ждал? Чего я хотел? Чтобы он сказал – давайте прогуливайте завтра? Я его поставил в известность, он не запретил. Завтра едем!»

Опять опоздал на урок. Что-то это входит в привычку. Учительница литературы только недовольно поджала губы, но ничего не сказала, разрешив сесть на место. Обрадовал пострадавшего Фила завтрашней поездкой. Он начал было допытываться, что сказал директор, ведь не принято было уведомлять начальство о предстоящем прогуле. Я коротко ответил правду:

– Ничего.

Фил, похоже, не понял, но замолчал.

Передали записку от Таньки Филиной: «Соловьев, ты почему не предложил «Домино» нашим девчонкам? Готовься!»

«Не понял? Что за наезды? Кто выступил с инициативой? Где была сама Танька? Почему сейчас не хотят вступить в проект? Достоинство боятся уронить? Готовиться к чему?» – мысленно удивился и возмутился.

Заметил, что Фил пытается заглянуть в записку. Свернул и убрал в карман. Сосед рядом обиженно засопел.

После урока меня обступили несколько возмущенных одноклассниц. Когда основной накал страстей спал – задал те же вопросы, что пришли в голову на уроке. С логикой у женщин всегда проблемы или она какая-то извращенная. Меня обвинили в непатриотизме к классу и потребовали придумать что-нибудь подобное для них.

«Я что, генератор эстрадных идей?» – мысленно взвыл и, пообещав подумать сбежал в школьную раздевалку под непрерывными шутками заинтригованных ребят. Уж больно необычен был наезд девчонок.

По дороге домой друзьям объяснил причину поведения девчонок. Танец показывать и объяснять концепцию наотрез отказался – на концерте увидят. Отдельно с Филом обговорили время и место завтрашней встречи, а также, что будем с собой брать. Кроме того, Фил предложил еще двух кандидатов в сборщики. Предложил отложить принятие решения по результатам завтрашней нашей поездки на понедельник.

С собой домой пришлось тащить выбранные лыжи с палками и ботинками. Михалыч рекомендовал в субботу (завтра) обкатать их, но завтра у нас с Филом первый поход за антиквариатом.

Дома поев, оделся потеплее и пошел к назначенному времени к спортзалу. Там собирались школьные стрелки с воевроком во главе. Все вместе прошли к Горбатову получать винтовки, патроны и мишени. Горбатов, увидев меня, кивнул.

– Здравствуйте дядя Леша, – поздоровался я.

– Ты еще и стрелок? – усмехнулся он.

– ...я еще крестиком вышивать могу, и на машинке тоже..., – голосом Матроскина-Табакова заявил.

Он хрюкнул и заржал в голос.

Заводской тир располагался с краю стадиона между стадионными трибунами и сараями Желтого дома. В юности мы с пацанами только слышали из-за бетонных стен хлесткие выстрелы и иногда лазали за гильзами (особенно ценились желтые латунные), свинцовыми пулями и дырявыми мишенями. Больше ничего интересного там не было. Кому-нибудь везло, когда находился целый патрон.

Теперь стреляю сам, а кто-то завидует за забором. Настрелялись вдоволь. Горбатов патронов не пожалел. Подобрал себе винтовку с диоптрическим прицелом. Результатом стрельбы остался доволен. Из десяти выстрелов на пятьдесят метров лежа с упора под конец выбивал восемьдесят пять-

девяносто очков. Военрук похвалил. Единственная девчонка в стрелковой команде из восьмого класса в вынужденных перерывах (окон для стрельбы было четыре) тоже стала доставать меня вопросами о танце. Послал ее... к Воронковой. Наверное, обиделась.

Пятый день.

Утром объявил родителям, что в школу не иду. Дела! Мама попыталась возмутиться и выяснить причину. У нее пунктик – нет никакой уважительной причины для пропуска учебы или работы. Нытье про головную боль, температуру, боль в животе – не прокатит. Наверное, только госпитализация в больницу заставит ее смириться. Заявление о том, что директор школы в курсе моих дел и поддержка отца заставили ее смириться.

– Совсем большой стал, – то ли огорчилась, то ли констатировала она.

На автовокзале купили билеты на ближайший рейсовый автобус, следующий в нужном нам направлении, и через некоторое время мчались мимо заснеженных полей и лесов за приключениями. Я не знал, где нам выходить (ведь карт Гугл нет), поэтому пришлось просить водителя остановить в нужном месте. Остановившись на безымянном перекрестке, он махнул рукой в нужную нам сторону.

По не наезженному, заваленному снегом зимнику пришлось идти до нужной нам деревни около часа. Морозец был не ниже минус десять градусов, идти в начале было не трудно, и мы шли рядом. Наверное, охотниками на автомобилях была пробита колея, но потом ее завалило снегом, поэтому вскоре перестроились друг за другом и пошли след в след

периодически меняясь.

Издаലെка, на возвышенности среди деревьев увидели темную от времени постройку с разрушенной верхней частью. Наша цель! Пришлось часть пути пройти по сугробам. От старой, почерневшей от времени деревянной церкви остались стены с частью кровли.

Главная дверь оказалась на замке. Следов возле церкви не было. Пошли вокруг постройки, продираясь через кустарник, какой-то мусор и сугробы. Обнаружили окно без стекол с оторванной кованой решеткой и решили проникнуть внутрь через него. При помощи Фила залез внутрь. Принял наше имущество и помог ему подняться ко мне.

Внутри было сумрачно. Хорошо, что Фил додумался захватить фонарик (вчера я про него забыл). Мы обошли это захламленное помещение. Полы кое-где были вскрыты. Похоже, эта церковь до недавнего времени использовалась, как склад и хранилище зерна. На стенах были какие-то огромные религиозные картины на холсте. Вероятно, церковь была бедная, поэтому, в свое время, здесь украшали стены таким образом. Деревянных икон на стенах не было. Их мы стали находить на полу или прислоненными к стенам. Икон в окладах не было совсем. Обошли и осмотрели все помещения церкви. Некоторые двери и дверцы пришлось вскрывать принесенным инструментом, заодно обнаружили другой выход, через который можно будет выйти на улицу. Другой церковной утвари не нашли. Возможно, для этого пришлось бы

разгрести кучи мусора, которого здесь хватало. У нас набралось четырнадцать икон, две из них были до полутора метра высотой и три метровых иконы. Тяжеленные!

Переглянувшись, стали складывать найденное в удобоносимые стопки, обматывали их принесенной материей и перевязывать веревками. Получилось четыре баула. С учетом Юркиного рюкзака и моей сумки – с горем пополам мы могли все это унести, исключая высокие иконы. Их мы решили пока спрятать в церкви. Стоит ли мучиться из-за сомнительной ценности найденного? Вышли нагруженные на улицу. С этой стороны виднелась плохо наезженная дорога, которую мы раньше не заметили. В ста метрах вдоль нее стояли дома, похоже, не жилые.

– Пройдемся? – предложил Фил.

Почему бы нет? Время есть.

Прошли деревню насквозь по колее, когда-то пробитой трактором. Деревня не жилая, хотя вдоль дороги стояли столбы с проводами. Еще не пришло время повальноей добычи цветного и черного металла. Отдельные дома выглядели совершенно заброшенными, а некоторые еще – ничего, в них можно еще было жить. Возможно, они еще использовались в летнее время и имели хозяев. Во всяком случае, так же не пришло время скупки домов в деревнях москвичами для летнего отдыха или охоты.

Посоветовавшись, решили побывать в заброшенных домах, которые явно не используются для проживания. Посетив

несколько, испачкались как черти. Вдобавок, Фил куртку порвал. Зато нашей добычей стали еще несколько икон (одна даже раскладывающаяся, а некоторые с окладами) и несколько религиозных финтифлюшек, типа подсвечников и лампадок. Также нашли большой самовар с помятой крышкой и пару старинных толстых книг с ятями и ерами.

Решили так: за два раза перетаскиваем все, что сегодня нашли к автотрассе. Что не сможем сегодня отвезти, прячем поблизости от перекрестка, а в следующий выходной еще раз делаем вылазку в эту деревню. Похоже, здесь еще многим можно поживиться.

Получилось еще два свертка и самовар. Крупные иконы завернуть уже было не во что. Пришлось из половых досок церкви и ломаных деревянных конструкций мастерить что-то типа стеллажей, чтобы добраться до верхнего края холстяных икон и вырезать их из рам. Конечно, нам бы хватило и одной или просто куска холста, но мне почему-то стало жалко портить иконы. Наверное, жажда добычи или жадность проснулась. Зачем срезать одну икону, если мы собрали целый стеллаж? Срезали три. В одну завернули деревянные самые крупные иконы. Взятых с собой веревок не хватило. Пришлось идти в один из домов и срывать проводку. Время уже поджимало и мы, нагрузившись, отправились в первый рейс. Потом еле заставили себя сделать второй. До чего будет обидно, если наши мучения не окупятся!

Приведя себя в порядок, принялись голосовать попуткам.

Остановился какой-то мужик на Москвиче и согласился подбросить нас до города за два рубля (на автобусе дешевле), неодобрительно покосившись на наши баулы. Мужик ехал проездом через город мимо наших поселков, и мы вылезли около железнодорожного вокзала (оттуда ближе всего до дома Фила). Хранить добычу решили пока в его сарае.

Сегодня суббота – банно-стаканный день. Договорились с Филом сходить в баню. Решили встретиться у меня.

В поселке имелась общественная баня и сложилась поселковая традиция – в субботу у всех в поселке банный день. На заводе в каждом цеху и на других предприятиях были свои душевые, а в некоторых и парилки, где после смены рабочие мылись каждый день. Меня удивляло – зачем ходить в баню, если моешься ежедневно? Однако многие считали, что мытье под душем – это не помывка, а размазывание грязи по телу, вымыться по-настоящему можно только в бане и заверяли меня – подрасту пойму. Вот сейчас подросток и... не понимал. В субботу жители поселка, многие со своими тазиками и вениками шли в общественную баню, зачастую семьями с детьми. Ребенком, мне тоже приходилось с отцом ходить в баню при возвращении из школы.

Отец выбирал в сарае березовый веник, заготовленный с прошлого лета, брал у матери законный рубль или трешку, и мы шли в баню, по пути здороваясь со многими знакомыми. В кассе отец покупал билеты, занимал место в многолюдной очереди и присоединялся к своим знакомым или

шел в пивнушку, расположенную рядом с баней, оставив меня в очереди. Через час, а может больше, дождавшись своей очереди, мы шли в раздевалку, отдав билеты бабушке, сидящей у входа. Она нанизывала их на конструкцию со спицей вверх. В раздевалке шли на свои места или раздевались на одном. Шкафчиков не было, а были длинные ряды деревянных кресел, разделенных подлокотниками, с высокой спинкой с крючками вешалок. Уже в раздевалке было очень жарко и скользко.

Раздевшись догола, шли в помывочное помещение. Найдя свободные тазики и место на бетонных лавках, отец ошпаривал кипятком тазики и лавку, потом запарив веник, шел с ним в парилку. Иногда и меня маленького тащил с собой.

В парилке горела одна тусклая лампочка под потолком, еле разгоняя темноту и клубы пара. Пар подавался из трубы с вентилем. Под самый потолок высокими и широкими ступенями поднимались деревянные скамьи. Все ступени, как правило были заняты голыми телами парящихся. В парилке было нестерпимо жарко, душно, пахло сырым паром и потом. Уже на входе на коже выступал пот или оседал конденсат пара. Погревшись, я пытался улизнуть из парилки и окатиться проточной водой под душем. Отец, сделав несколько заходов в парилку, начинал, наконец, мыть меня и мылся сам.

Я никогда не любил ходить в поселковую баню. Сидение в очереди тяготило. Если отец находил знакомых собесед-

ников в кассовом зале или в пивнушке, то мне совершенно нечем было заняться. Кафельный пол во всех помещениях, скамьи в помывочном, лавки в парилке и тазики были скользкими и казались жирными (а может такими и были), несмотря на то, что тазики, места для сидения отец ошпаривал кипятком и пытался оттереть старыми вениками, которых было полно по углам.

На улице я никогда не встречал столько людей с дефектами тела или инвалидов. Наглядные физические недостатки мужиков выглядели отталкивающе. Кожа у большинства не знала загара. Загорелое лицо или верхняя часть тела до пояса (летом у дачников) темно-коричневая и молочно-белая ниже. В парилке я никогда не получал удовольствия, не понимал отца и других мужиков – в чем кайф? Душная сырая жара, вонь, обжигающая задницу жирная лавка, постоянные случайные касания потных тел соседей – вызывали неприятие и отвращение. Повзрослев, в парилку уже не ходил или заходил ненадолго, когда там было свободней. После парилки меня маленького отец мыл и натирал мочалкой. Став старше – я мылся сам. Спину терли по очереди. Когда возмущался усердию отца при надраивании моей спины, он привычно заявлял:

– Терпи казак, атаманом будешь!

Однажды не выдержал и спросил:

– Ты себя с такой же силой трешь мочалкой?

Он не нашелся с ответом, но усердствовать перестал.

После помывки, одеваясь в раздевалке, снова потел и приходилось чистое белье с одеждой надевать на мокрое тело, что не добавляло комфорта и удовольствия.

Окна женского отделения бани выходили на огромный пруд. Некоторые пацаны ходили вечером подсматривать в открытые форточки женской раздевалки. Когда женщины замечали извращенца – могли плеснуть кипятком в лицо. Иногда жаловались мужикам в мужском отделении. С охотничьим азартом, те окружали с двух сторон баню. Бежать было некуда, если пруд был не замерзший зимой. Пойманный, получал трепку от мужиков и разгневанных женщин, порку дома, позор на весь поселок и школу. Наиболее удачливые потом хвастались, что видели обнаженных одноклассниц и моих в том числе. Я никогда не ходил подсматривать в баню, опасаясь позора. К тому же, среди нормальных пацанов это занятие не приветствовалось.

Став старше, я перестал ходить с отцом в баню по субботам. Мыться ходили с друзьями в душ цехов родителей, на ТЭЦ или в баню в будни, когда там не было очередей, и тоже старались попасть в душевое отделение. На завод или в ТЭЦ можно было попасть через многочисленные лазейки в заборе, конечно известные нам.

Сегодня, из-за позднего времени с Филом решили идти мыться в заводской душ. Это было ближе, чем идти в баню. Попросил отца, находящегося дома, провести нас на завод через заводскую проходную. Не хотелось тащиться в темноте

к ближайшей лазейке на территорию завода. Немного подда-
тый отец (суббота!), согласился провести нас в душ кузницы
(считающийся лучшим на заводе). Наверное, решил смыть-
ся от матери по уважительной причине и «добавить» где-ни-
будь.

Уже лежа в постели с удовлетворением констатировал –
процесс пошел. Еще родители сообщили, что меня искали
ребята, а кто и зачем не знают. Они вообще не знали никого
из моих друзей, кроме тех, кто проживал в бараках. Гадая,
кто ко мне приходил и зачем, вдруг вспомнил – танцы! За-
был, совсем вылетело из головы из-за этих икон! Ничего –
разберутся ребята сами в случае заварухи. Вымотался я се-
годня.

Шестой день.

Утром сделал облегченную, уже становившуюся привычной зарядку. К назначенному времени отправился с лыжами в город к машиностроительному техникуму. Он располагался на окраине города в Новом районе и за ним уже начинались колхозные поля, где всегда проводились городские лыжные соревнования. Пока шел, пожалел, что сразу надел лыжные ботинки. Гладкая подошва на натоптанном снегу скользила как на льду, и температура понизилась по сравнению со вчерашним днем, мороз ощутимо щипал нос и щеки.

Выйдя за техникум – оторопел, так как не ожидал, что такое количество народа соберется на рядовые, в общем, школьные лыжные соревнования. Еще и оркестр наигрывал какие-то спортивные марши. Футбольные и хоккейные турниры, в которых я участвовал, проводились скромнее без оркестра. Михалыч выдал всем номера и сообщил кто, где, когда участвует. Оказалось, что я побегу эстафету, которая будет проходить на одном круге в несколько километров, а сейчас будет торжественное открытие соревнований. Выстроившись командами (оказалось десять команд по числу средних школ города и района), прослушали выступления каких-то важных мужиков. Кого-то за одно стали награждать за вклад в развитие городского спорта. Все хлопали, а оркестр играл туш.

Попытался присмотреться к музыкантам, так как знал, как правило, это «многостаночники». Днем музыкант стучал в тарелки, вечером «лабал» в кабаке, а завтра пел песни со сцены. Может, придется с кем-нибудь из них пересечься.

Потом, мы вчетвером пошли к старту эстафеты. Все мои партнеры из десятых классов – две девчонки и парнишка. Даже не знал, как и кого зовут.

Прибежал возбужденный Михалыч и распределил очередность, кто за кем бежит. Показал, где будет «Старт», он же «Финиш», зону передачи эстафеты и снова умчался по своим делам.

Я бежал вторым. Поинтересовался у коллег – где держать эстафетную палочку, ведь в руках лыжные палки? На меня все посмотрели, как на идиота. «Что-то тебя парень, я не видел на футболе или хоккее. Ты там все правила знаешь?» – возмутился мысленно.

Оказывается, здесь эстафета передается касанием в зоне эстафеты. Десятиклассник стал меня инструктировать, как надо принимать и передавать эстафету, когда стартовать, как рассчитывать силы на дистанции, забирать или отдавать лыжню и так далее. Оказывается, и здесь хватает хитростей.

Позвали на Старт. Снова появился взволнованный Михалыч. Попытался дать последние советы первой стартующей девчонке и нам. Волнения не было, чего не скажешь про моих старших напарников – все казалось какой-то игрой.

Первая десятка убежала. Надел лыжи. Ноги-то в лыжных

ботинках стали подмерзать. Опытный десятиклассник, только сейчас стал надевать лыжные ботинки. Покатил с соперниками в зону по команде судьи. А соревнующиеся-то здорово растянулись. Моя пришла четвертой, можно сказать в группе лидеров. Молодец девочка – полностью выложились, дышала, как загнанная лошадь и чуть не упала, передавая мне эстафету.

Рванул за ближайшей спиной соперника. Бежал спокойно, как на уроке. Решил – рвану, когда старт увижу, метров за триста. Лыжники еще больше растянулись. Спокойно обошел стартующего впереди меня и попытался догнать идущего вторым. Приблизился метров на пять, но перед финишем он смог снова увеличить разрыв, хотя я и рванул, как планировал. Передал эстафету третьим. Третьими мы и финишировали. Ребята меня хвалили, а Михалыч от радости хлопнул по плечу.

Потом было награждение. Давали какие-то красные вымпелы и грамоты. Наша школа в общекомандном зачете заняла второе место. Первой, конечно, стала команда из первой школы. Эта школа в городе считалась элитной и самой многочисленной, поэтому там и отбор школьников для соревнований происходил легче. Зато мы в футболе, хоккее, гандболе, настольном теннисе, как правило, всегда были сильнее. Все спортивные секции заводского спортзала комплектовались преимущественно учениками нашей школы, а в этих видах спорта нужна не только тупая выносливость, а умение

и командная сыгранность.

Пока тянулось это мероприятие, замерз жутко. На эстафете вспотел, а сейчас все заледенело. Ног уже не чувствовал, даже выдаваемый горячий чай не помог. Живущий недалеко одноклассник Чапель Толя (он бежал гонку на десять километров), позвал к себе домой погреться. Зашел, выдул с ним еще кружку чая и согревшись, помчался домой.

Всё-таки в советское время власти уделяли молодежному спорту очень много внимания. В следующем веке такого не будет. Почему бы этого не сохранить?

Я в будущем перестал участвовать и следить за городскими спортивными мероприятиями, но все же был в курсе. Школьных ежегодных «Кожаного мяча» и «Золотой шайбы» не станет. Исчезнут многие бесплатные спортивные секции. Перестанут проводиться областные соревнования по футболу, хоккею, тяжелой атлетике, гандболу, баскетболу, настольному теннису. Пропадут в городе лыжники-любители (склоны реки будут пустыми по выходным дням), городошники (городошная площадка зарастет, а ограда разрушится). Тир окажется никому не нужным, так как все винтовки, хранящиеся в спортзале, сдадут в милицию.

Останется одна любительская команда в городе по мини-футболу, укомплектованная преимущественно мужиками в возрасте, которые еще участвовали в «Кожаном мяче» и одна бесплатная секция по волейболу (ребята будут даже ездить на соревнования за счет спонсоров). Появятся залы для

фитнесса, тяжелой атлетике, но платные. Возникнут секции бокса, рукопашного боя, карате для подростков – тоже платные. Даже межрайонные соревнования по боксу будут проводиться ежегодно.

Вот соревнования между командами учебных заведений города по легкой атлетике сохранятся – как правило, бег на среднюю и длинную дистанции и эстафета. Изредка будут проводиться лыжные соревнования среди школьников на реке, но не каждый год.

Действующим останется один наш стадион на весь город, переданный на баланс городской администрации, отреставрированный с хорошим газоном футбольного поля, беговыми дорожками, покрытыми не шлаком, как прежде, а резиновым покрытием, красивый, но как правило, пустующий. Грустно.

Зато появятся много людей разного возраста и пола, занимающихся спортом самостоятельно. Уже станет привычным видеть по утрам и вечерам бегунов и женщин, занимающихся скандинавской ходьбой.

Седьмой день.

В понедельник девчонки в классе молча косились на меня, но молчали, а на одной из перемен ко мне подлетела Воронкова с неизменной подругой (одна боится ходить, что-ли) и начала восторженно хвастаться успехами. По ее словам, танец получается просто здорово. Репетировали все эти дни, даже в воскресенье. Костюмы и платки у всех есть, только готовы будут только завтра. Очки тоже вроде бы все нашли. Сегодня тоже будут репетировать и приглашают меня посмотреть и оценить. Восьмиклассника с аккордеоном уговорили, и он уже играет им на репетициях. Сначала он, ни за что не соглашался, но они его убедили, только он согласился играть не на сцене, а из-за кулис. Стесняется. Из-за этого, он категорически раньше отказывался участвовать в концертах. Играет здорово. Им он уже играл всякие мелодии (наверное, замучили парня своими хотелками). Ему танец тоже понравился. Костюмы покрасить согласилась мама Ирки Моргуновой. (Знать бы еще, кто это такая?) Вот только нужно мне прослушать подобранные мелодии. Может у меня есть другое предложение. Толик (значит Толик?) с аккордеоном готов мне сейчас их проиграть. (Нашли композитора, блин!) А спортивные костюмы пришлось покупать всем. Всех размеров не нашлось, но помогла мама Ани Смирновой, работающая в Торге. Костюмы будут красить сегодня. Все это дев-

чонки, сверкая глазками, выплеснули наперебой без всякой последовательности на мою многострадальную голову.

– Так, – попытался систематизировать полученную информацию, – танец разучен, каждая девочка свое место знает, музыка подобрана, музыкант подготовлен. Костюмы в доработке. Осталось прослушать мелодию и посмотреть ваш танец критическим взглядом, – подвел итоги.

Синхронно кивнули и уставились на меня выжидающе.

– Старшеклассницы есть? – вспомнил наезд одноклассниц.

– Есть. Филина и Оськина из твоего класса, – ответила Светка, чем-то недовольная.

«Вот чем вызвано молчание одноклассниц!» – догадался.

Попытался вопросительно поднять бровь (как Михалыч). Светка, поняв правильно мою мимику и вздохнув огорченно, неохотно ответила:

– Пришлось нашим девочкам отказывать.

«Да у них нешуточная борьба за место развернулась!» – догадался.

– Вашим тоже пришлось отказывать, кроме этих двух, – добавила.

«Конечно, Филиной разве откажешь?» – не удивился, зная одноклассницу и ее напористость.

– Хорошо! Приводите своего маэстро с гармошкой в Бюро на следующей перемене, – принял решение, – когда репетиция? – вспомнил просьбу девчонок.

– Договорились сегодня в четыре часа собраться, только мы теперь репетируем в нашем Красном уголке заводоуправления ЖБК. В школе все лезут посмотреть, мешают, – смущенно сообщила Воронкова.

«Сегодня соревнования по стрельбе!» – прикинул мысленно свое расписание.

– Завтра посмотрю вашу генеральную репетицию, уже в костюмах. Сегодня не могу. Всё, все по пещерам! То есть по классам! – вижу Валерку Федоренко, в нетерпении мнущегося в сторонке.

Времени уже не оставалось, и я на бегу договорился встретиться с ним вечером дома.

На следующей перемене в комнату комсомольского Бюро девчонки привели круглолицего коренастого паренька с аккордеоном. Серьезный парнишечка. Такие ребята с детства уже становятся мужичками с собственным мнением, твердыми убеждениями и взглядами на жизнь, и не всегда эти взгляды совпадает с общепринятыми. Как его девчонки обрабатывали?

– Ну, давай композитор, доставай свою физгармонь, изобрази что-нибудь..., – голосом Попандопулы из «Свадьбы в Малиновке» шутливо начал и прервался, натолкнувшись на серьезный укоризненный взгляд пацана.

«Да, мальчик, досталось тебе от сверстников за учебу в музыкальной школе!» – догадался.

– Ладно, Толя исполни, что вы там подобрали, не стесняй-

ся, – немного смущенно подбодрил его.

Парнишка довольно уверенно сыграл две какие-то танцевальные мелодии. Я задумался – вроде мелодии подходят для танца, но чего-то не хватает. Экспрессии что-ли, более четкой отсечки моментов для движений в танце. Возможно, какой-либо ударный инструмент выручит? Хотя уверен, что с аккордеоном можно обойтись без ударных. Я поднял голову и уперся в три пары вопросительных глаз. «Гуру нашли – музыкального!» – мысленно возмущился и честно поделился сомнениями:

– Мелодии подходят, но мне кажется, чего-то не хватает в них.

Светкина подружка (так и не знаю имени) встрепенулась, и довольная воскликнула:

– А я говорила, говорила!

«Надо попробовать вспомнить ту, интернетовскую мелодию для этого танца. Вот и настает момент истины. Не ожидал, что так скоро придется воспроизводить мелодию голосом», – пришла мысль.

– Есть у меня вроде подходящая мелодия для этого танца. Только не знаю, смогу ли я правильно воспроизвести ее голосом? А ты сможешь подобрать аккорды с моего голоса? – обратился к музыканту.

– Не знаю, не уверен, может кого-нибудь с опытом попросить? – неуверенно ответил тот, посмотрев виновато на девочек.

«Да ты боишься опростоволоситься? Наверняка, к кому-то из этих пигалиц ты неровно дышишь», – понял, мысленно усмехнувшись.

– Хорошо! Вы двигайте на урок, – указал девчонкам. – Ты, за мной, – скомандовал мужичку.

Пошли с Анатолием к учительской. Девчонки не торопились в класс и постоянно оглядываясь, что-то обсуждали. (Вот любопытные!) Показал им кулак. Рассмеялись.

Из учительской вызвал учительницу музыки. Она с улыбкой выслушала наши проблемы, так как, по-видимому, знала о танце и тоже заинтересовалась.

– И тебя Толя привлекли? – с улыбкой спросила музыканта.

– Я там, за кулисами..., – смущенно промычал тот.

– Хорошо, помогу вам, – согласилась. – У меня сейчас как раз окно, но как вам быть с уроком?

Я про себя решу и посмотрел вопросительно на Толика.

– Что у тебя сейчас? Кто учитель? – спрашиваю мнущегося подростка.

«Ты, парнишка, еще ни одного урока не прогуливал?» – догадался.

– История. Антонина Яковлевна.

«Yes! Яковлевна – свой человек». Сбегал, договорился за себя и за того парня.

Евгения Сергеевна села за пианино и в ожидании посмотрела на меня. Толик принес стул и присел рядом, приготовив

аккордеон. Я попытался восстановить в памяти мелодию, а потом начал напевать:

– Ля-ля-ля-ля, трам-пам ...!

Помогаю, отстукивая ритм ладонью по столу. Некоторое время учительница сосредоточенно вслушивалась в мотив, потом сначала неуверенно начала нажимать клавиши, постепенно ускоряясь. Толик, тоже попытался что-то подобрать. Минут через пятнадцать после неоднократного моего мычания, нескольких моих советов и обсуждения втроем, она уже самостоятельно сыграла мелодию, близкую к оригиналу. Сразу видно профессионала. Толик тоже вроде стал играть уверенней и в нужной тональности, но на всякий случай захотел ноты. Евгения Сергеевна стала заполнять нотную тетрадь, иногда проигрывая некоторые отрезки мелодии на пианино. Изредка что-то стирала и записывала заново.

– Как тебе, нравится? – спросил его.

Он неуверенно кивнул.

Наконец учительница протянула Толику тетрадь с нотами. Поглядывая в тетрадь, он заиграл мелодию, сначала медленно, потом все уверенней. Повторил еще и еще раз. Вслушавшись, понял, что не хватает опять этих «отсечек» или акцентов. Попытался объяснить музыкантам – чего я хочу. (Ну, не музыкант я!) Учительница вроде поняла мое косноязычие. Стала какими-то музыкальными терминами объяснить Толику мою цель, а затем проиграла на пианино эту мелодию. Толик снова стал мучать свой инструмент. К концу урока ре-

шил – все, лучше уже не сыграть, и мелодия звучала близко к той, что я слышал в интернете.

– Что же у вас за танец такой, о котором вся школа гудит? – поинтересовалась она.

Я пожал плечами.

– Сегодня и завтра у девчонок репетиции, можете сходить посмотреть. Завтра я сам собираюсь подойти. Заодно Толику поможете, – предложил.

Она, подумав, помотала головой.

– А вы на генеральную репетицию не пойдете? – вдруг вспомнила.

– Я и не знал, что будет генеральная, – растерялся.

– Завтра, начало в четыре дня, – уточнила она, – там и звук по-другому звучать будет, – продолжила.

– А без нее никак? – что-то сомневаюсь, что девчонки захотят показывать танец до премьеры, да и костюмы надо обкатать.

– Можно, конечно. Не все будут на генеральной репетиции – не тот уровень концерта, – усмехнулась.

– Толик, сообщи девчонкам о предложении Евгении Сергеевны. Пусть сами решают и мне сообщат, – озадачил гармониста.

Учительница, забрав свою тетрадь у опешившего Толика, решительно вырвала лист с нотами и вернула ему, потом уставилась на меня:

– Сережа, откуда это у тебя? Раньше я в тебе таких талан-

тов не замечала.

– Шифровался, – отшутился.

«Не надо мне лишних подозрений, тем более в гениальности».

– Евгения Сергеевна, я вот что еще у Вас хотел попросить. Вы можете оценить мой музыкальный слух и вокал? – решился.

– Со слухом, я тебе сразу скажу – более чем хорошо. А вокальные данные...? Спой чего-нибудь, – предложила.

Я повернулся к Толику, убирающему свой аккордеон. Увидев его умоляющие глаза, вздохнул и не стал выпроваживать его из класса. Задумался: «Что спеть? Не ромашки же?» Вспомнил понравившуюся когда-то песню юности и начал:

Ребята, надо верить в чудеса,
Когда-нибудь весенним утром ранним
Над океаном алые взметнутся паруса,
И скрипка пропоёт над океаном...

Стою, смотрю на задумавшуюся учительницу. В ходе песни она опять повернулась к пианино и стала подбирать мелодию. По окончании спросила:

– А эта песня откуда? Я ее не слышала.

За это я не опасался – услышу ее нынешним летом, поэтому смело заявил:

– В пионерлагере слышал.

– Странно. Хорошая песня, если бы я ее слышала, запомнила. Еще раз спой, пожалуйста, я мотив подберу.

– А с голосом как у меня? – меня интересовало другое.

– Хорошо у тебя с голосом. Я еще не определила твой диапазон, но петь ты можешь, даже на сцене. Конечно не оперной. Ну что, споешь? – ее другое интересует.

Повторил на бис. Она уже довольно правильно подыгрывала мне мотив. Потом схватила нотную тетрадь и стала записывать ноты, опять проигрывая мелодию на пианино. Закончив спросила:

– Слова напишешь?

– У меня почерк неразборчивый, – отговорился.

Заметил непонятный внимательный взгляд Толика на меня. Учительница прямо в нотной тетради записала слова песни. Потом шевеля губами и покачивая в такт головой, видимо про себя пропела песню. Закончив, она опять на меня посмотрела:

– Ты сам не желаешь выступить на концерте?

– В качестве кого? Вообще-то, я не планировал пока выходить на сцену, – многозначительно ответил.

Она не сразу, но выцепила слово «пока».

– Певца конечно. А почему пока? – заинтересовалась.

– Гитару приличную ищу. Вот буду уверенно играть, тогда можно будет подумать, – закинул пробный шар.

– У меня есть гитара. Я могу Вам подарить ее. Я все равно на ней не играю, – вдруг влез в разговор Толик.

«Вот тебе и мужичок! Да еще на Вы меня назвал. Дела!»

Я на него посмотрел по-новому.

– Спасибо. Дарить ничего не надо. Если гитара приличная – куплю, если твои родители не будут против и назовут цену, – обломал его благородный порыв.

«Чего это его подвигло? Я чего-то не понимаю?» – гадаю мысленно.

– Не надо ничего дарить. Я могу помочь тебе с гитарой. «Ленинградка» тебя устроит? – вмешалась Евгения Сергеевна.

«Не фига себе! Не было гроша, а тут алтын!» – обрадовался.

– Конечно. Если цена приемлемая, – тут же отозвался.

«Еще бы! Ленинградские – лучшие гитары в Союзе».

– Приемлемая, – заверила.

Я начал подозревать эпидемию небывалой щедрости.

– А это Ваша гитара? – подозрительно спросил.

– Это не важно. Договоримся, – ответила, чуть смутившись.

Я взглянул на нее по-новому. А она еще совсем молодая – лет тридцать, наверное. Стройная и симпатичная. «Что-то раньше я этого не замечал», – мелькнула мысль. Наверное, срабатывал стереотип ученик – учительница. Гитара друга, скорее всего.

– Договоримся, – отзеркалил ей улыбку и виновато улыбнулся Толику.

– Тогда у меня будет условие. Ты выступишь на школьном концерте к 8-му марта. Можешь с этой своей песней, – озадачила.

Я, конечно, могу кровь сдать за «Ленинградку». Но выступать!?! Поторгуемся:

– Тогда и у меня условие. Мне нужен хороший репетитор по гитаре. Платно, – добавил.

Теперь она задумалась.

– Сейчас, так сразу, ничего не могу сказать. Надо переговорить кое с кем, – ответила, погрузившись в раздумья.

– Спасибо за помощь. Мы пойдем? Перемена уже, – кивнул Толику на выход.

Учительница задумчиво кивнула, не вставая со стула.

В коридоре около двери класса столпились малолетки. Наверное, пришли на урок и не решились нас прервать. (Уши грели?) Окинул взглядом молодые лица. Не похоже, галдят слишком громко. В коридоре остановил Толика:

– Все, что слышал – никому! Забыть!

– А для танца? – испуганно, чуть ли не прошептал.

– А для танца надо. Как же будете репетировать? – удивился и продолжил: – Завтра и на концерте ты должен играть, как аккордеонист-виртуоз.

Улыбается.

– Сергей! А можно мне – на секцию к вам, – вдруг интересуется он.

– Конечно. У нас все ходят, кто хочет, – ответил не задумываясь.

мываясь.

Тут я понял подоплеку вопроса. Сколько таких домашних милых мальчиков сидят по домам, радуя своих мам примерным поведением и отсутствием влияния улицы? И страшно завидуют более активным, смелым и независимым сверстникам. Так появляются и развиваются комплексы, а потом вырастают «тюфяки», не способные постоять за себя и близких или негодяи, упивающиеся властью, третирующие подчиненных и более слабых.

– Конечно, приходи. У нас скоро будет боксерский инвентарь. Можно будет удары отрабатывать, – повторил и подмигнул ему.

– Я обязательно приду! – радостно крикнул он, убегая со своим аккордеоном.

Отступление. Евгения Сергеевна.

Евгения Сергеевна задумчиво глядя на заполнявших класс шестиклассников, пыталась разобраться в своих ощущениях в отношении Соловьева, сегодня открывшегося ей с другой, неизвестной и даже пугающей стороны. В процессе общения, она не могла избавиться от ощущения, что разговаривает с опытным взрослым человеком, а глаза видели знакомого подростка. Когда она преподавала в его классе, Соловьев немало ей потрепал нервы, так как являлся одним из самых недисциплинированных учеников в школе. Не раз она его выставляла за дверь, чтобы не срывал урок и не мешал ей и другим, а сегодня он с ней разговаривает, как взрослый человек, твердо знающий, чего хочет и уверенно добивающийся этого. А как он голосом исполнил мелодию? И в ходе воспроизведения на инструментах подавал дельные советы. Правда, музыкальной терминологии он не знает. Да и откуда? Слух оказывается у него прекрасный. Голос хороший. Мелодию и замечательную песню исполнил неизвестные. Еще эти многочисленные, интригующие слухи о танце, придуманный якобы им и сведший с ума старшекласниц. Песня про Ассоль такая романтическая – как раз для подростков. Надо у коллег и знакомых музыкантов при случае поинтересоваться про эти произведения. Она не могла понять, как подросток за какой-то год, что она с ним не общалась,

смог так кардинально измениться. Она даже не подозревала про его слух и голос, и к ее урокам он никогда серьезно не относился, а сегодня она увидела совсем другого человека, причем взрослого. Надо поговорить с его классным руководителем. Вроде в девятом – ведет класс Валентина Иванова. «Надо внимательнее присмотреться к Соловьеву», – заключила она.

Наконец она пришла в себя, обратив внимание на замерший в удивлении непонятным поведением учительницы, класс. Начав урок, она сообщила:

– К своему удивлению, я сейчас услышала замечательную неизвестную песню. Я бы хотела, чтобы вы ее тоже послушали, а потом рассказали мне о своих впечатлениях и высказали свое мнение. Повернулась к инструменту, разложила тетрадь с нотами и текстом песни и положила пальцы на клавиши.

Седьмой день. Продолжение.

После последнего урока, выходя из класса, увидел у окна Воронкову с неизменной подружкой и подошедшими к ним Филину с Оськиной. Наверное, опять советов хотят, а я на стрельбы опаздываю. Подошел. Не дожидаясь моего вопроса, Светка выпалила:

– Толик нам все рассказал!

– Ну и...? – потребовал продолжения.

«Надеюсь, не про мой вокальный дебют?» – возникло опасение.

– Сказал, что музыка для танца – просто «отпад» и про Генеральную репетицию..., – помогла подружка.

– Мы хотели посоветоваться с тобой, – наконец решилась Светка и смутилась.

Одноклассницы удивленно вытаращили глаза на нас.

– Сегодня репетируете под новую музыку, а там решаете сами насчет Генеральной. Вообще-то для Генеральной репетиции, я думаю, вы еще не будете готовы. Предполагаю, что завтра выявится много недоделок и недоработок с танцем и костюмами, требующих время на устранение, а Генеральная нужна, чтобы привыкнуть вам к залу, к сцене, к новой акустике. Там вы должны уже быть с готовым номером и только шлифовать умение, а не выявлять и устранять ошибки с недоработками. Был бы у нас еще день в запасе,

тогда да, сам бы вас пинками погнал в клуб. Кстати, заполненный зрителями зал, способен кого угодно в ступор ввести. Никто из девчонок от волнения со сцены не упадет?

– Не должны, – засмеялись, – мы друг друга держим.

– Или держитесь. Профессионал может не с той ноги пойти, – пробурчал я. – Все девчонки, мне пора. На стрельбы опаздываю, – заявил уже на ходу, разворачиваясь к выходу.

– Удачи! Не пуха! Победы! – понеслось вслед несколько девичьих голосов.

На стрельбы чуть не опоздал. Когда несся мимо тира домой переодеваться, видел уже кучкующихся участников соревнований. Начало соревнований, и проведение стрельб было организовано буднично, без помпы, по-деловому. Очередная смена получала по три патрона для пристрелочных выстрелов. Стреляли и шли проверять мишени. Возвращались и получали уже по десять патронов. Отстреливались на зачет, подсчитывали очки и отходили к своим командам делиться впечатлениями и давать советы. Я выбил из «своей» винтовки восемьдесят шесть очков. Считаю неплохо. Слышал, что некоторые еле перевалили за пятьдесят.

Закончились стрельбы уже в вечерних сумерках. Нам, как хозяевам, пришлось тащить винтовки в спортзал. Наша команда заняла первое место. В тройку призеров в индивидуальном зачете я не попал, но не очень-то и хотелось.

Я поймал себя на мысли: «Что-то меня не волнуют мои результаты соревнований. К результатам лыжных соревно-

ваний остался равнодушен, сейчас на результаты в стрельбе наплевать. Не худший – и ладно. Изменились приоритеты или шкала самооценки? Что может меня расстроить?» Наверное, я просто знаю, что лыжи для меня в будущем не важны. Стрелять я буду всегда на отлично, но снайпером не стану. Вероятно, расстроюсь, если девчонки провалятся на концерте. Если за иконы получу шиш с маслом. Если мое пение не понравится зрителям. Вот и буду стараться в этом направлении, чтобы избежать неудачи.

Сейчас домашнее задание, потом встреча с Валеркой – соседом. Чего он хотел?

Фрол, наверное, выглядел меня в окно и сразу выскочил в коридор, стоило мне подойти к двери комнаты. А хотел он поделиться со мной своими успехами. Притащили они с младшим братом более двадцати предметов старины. Из них шестнадцать икон. Могли бы и больше, но есть тяжелые вещи (утюги, чугунная утварь). Даже был какой-то станок ткацкий или прялка, никто не знал. Кроме того, нашлись жмоты, не согласившиеся отдавать вещи Валерке, а требовали музейщика. Засада! На музейщиков ни я, ни Фил не тянем. Сунул мне пачку записок, пришлось заняться канцелярией. Сам придумал – самому и отдуваться. Пришлось внимательно описывать каждый предмет и разбирать Валеркины каракули. Все это делали в бабушкиной комнате, иначе проблем с соседями и родителями не избежать. Закончив, перетащили все в мой сарай. Озадачил Валерку новыми по-

исками и сообщил, что результаты будут известны в конце марта. Есть месяц основательно затариться. Глядишь среди барахла, и отыщется золотое зерно на крупную сумму.

За уроки сел только после восьми вечера. Вспомнилось – кто-то из ребят вчера ко мне заходил. Чего было нужно? Вспомнил о деньгах для Горбатова и выпросил у матери пятерку. Унизительно. Так и не смог сосредоточиться на уроках, вздохнул и начал одеваться под мамино негодование:

– Куда собрался? А уроки, когда будешь делать? Болтаешься целыми днями!

– Надо мне, – буркнул, выскочил за дверь и направился к Ледневу.

По дороге вспомнил! Я же на танцах в субботу не был. Вымотался с иконами, потом ходил отмывать недельную грязь, а на танцах планировался «махыч» со станционными. Что-то у меня прежнего, не было такой загруженности – почти каждый вечер с ребятами проводил в безделье, а сейчас – то сил нет, то времени.

Сергея оказался дома. Недавно пришел. Вышли в коридор, так как в его комнате находился вернувшийся нагулявшийся старший брат.

– Да, вчера заходили к тебе с ребятами. Хотели спросить – собираюсь ли на танцы? – подтвердил мои догадки.

– Был в отъезде по срочным делам. Уехал рано, приехал поздно, – пояснил Рыжему.

– На танцах драки не было, да и сам Дракон не появлялся

со своими, – сплюнул он.

Я выругался:

– Вот мудила! Сам заварил и хотел других подписать за себя отдуваться!

Серегга продолжил:

– Наши некоторые деньги приносили – четыре рубля, помнишь?

– Конечно, помню, – кивнул и вопросительно взглянул на него. (Проверяет мою память?)

– С Горбатовым сегодня виделся, – ввернул про случайную встречу. – Послушай, у меня сейчас завал в школе, а тут еще праздник, мероприятия всякие к нему. В воскресенье пришлось бежать на лыжах за школу, сегодня стрелял в тире, в субботу уезжал. Сейчас уроки, долбанные делать надо – еще не приступал. Собери деньги с ребят, с кого сможешь. В школе сам этим займусь, а в четверг пойдем выкупать. В среду на концерте встретимся – мне передашь, – пожаловался другу, перечисляя проблемы.

– Мы с ребятами слышали стрельбу. Не знали, что ты там палишь. Подошли бы – «шуганули» городских так, что у них руки бы тряслись. Как отстрелялся и пробежал? – улыбаясь, поинтересовался.

– Нормально. Командой по лыжам вторые, по стрельбе – первые.

– С кем пойдешь к Горбатову? Я в ремеслухе буду, – продолжил вопросы.

– В школе найду кого-нибудь из наших или из секции. Они тоже должны принести деньги. Вот сразу после школы и пойдем, как раз в тот день секция будет, сразу и повесим груши. Заходи, разомнемся, – тут же запланировал.

– Ты знаешь, Серега..., – начал он и замолчал.

– Знаю. Тебе бокс неинтересен, заниматься ты им не собираешься и деньги сдавать тебе нет смысла. Так? – помог ему выйти из затруднительного положения.

– Так! – произнес с облегчением. – Миха, Зина (Зиновьев Витька), Вермут (Винников Славка), тоже не хотят сдавать – им тоже не интересно, – оправдывает себя.

– Я так и предполагал. Все равно, помоги собрать с тех, кого я не смогу увидеть до четверга, и без вас хватает желающих, даже слишком, – успокоил его совесть.

Я задумался. Конечно, нет смысла заставлять пацана заниматься спортом, если он не хочет и ему не интересно. Можно за компанию повисеть на турнике, потягать железо, когда рядом друзья это делают и никуда идти не надо. Испытать себя и сравнить себя с другими тоже интересно, а вот заниматься этим систематически, куда-то ходить и делать то, что не нравится, не имея цели... Это все понятно – сам таким был недавно. Но то, что отказались сдать небольшие деньги – оставило какой-то неприятный осадок, хотя и здесь ребят можно оправдать. Семьи не богатые у всех, сами ребята дохода не имеют. Зачем тратить деньги на чуждые и чужие интересы? Случись какая-либо заваруха, или если чужие за-

тронут кого-то из своих, соберутся все по первому свистку. Или уже не соберутся? Или соберутся не все? Серега вижу, все чаще удивленно посматривает на задумавшегося меня.

– Серега, мы взрослеем? – философски спросил и продолжил, раскрывая свою мысль: – Просто думаю, что с возрастом, мы отдаляемся друг от друга. У каждого появляются свои интересы и заботы, а интересы друга или своей компании становятся вторичны. Так мы и остаемся одни или прибавляемся к другой компании, меняем друзей на подруг, а потом на семью....

– Чего это ты задумался так серьезно? Расстроился, что не все деньги сдали? Так я сейчас принесу. А завтра объявим – всем без исключения сдать обязательно, иначе пусть гуляют, где хотят и с кем хотят. Принесут все, как миленькие, – предложил радикально решить вопрос.

Я удержал его:

– Не надо. Это, не выход. Я предполагаю, что все равно со временем распадется наша компания. Сейчас нас удерживают общие забавы и опасность остаться одному. Ведь одному даже на танцы не походить, – поддержки, в случае чего, не будет, но надолго ли мы рядом друг с другом? Вон, вам с Михай по осени в армию и два дня рождения в пилотке отмечать, если не три в бескозырке. Через полтора года я, куда-нибудь поступлю и уеду, может насовсем. У всех появятся другие интересы, заботы и проблемы. Грустно.

– Так у всех. Вон брат со своими старыми друзьями даже

уже не собираются, только здороваются при встрече, минутку переговорят и разбегаются по своим делам. У многих семьи. А как они зажигали в молодости? Как мы. Сам ты слышал. Весь город ребят с Желтого дома знал и уважал.

– Вот и говорю – грустно, – повторился.

Оба замолчали задумавшись.

– Брат насчет гитары еще «менжуется». Я ему говорю: «Сколько лет ты ее в руки не берешь? Продай тому, кому она нужней». А он: «Пусть лежит. Есть, не просит. Подумаю. Может, продам», – вспомнил про мою просьбу.

– Не надо уже. Нашел неплохую гитару – Ленинградку, – опять успокоил его.

– Мне название ничего не говорит, не разбираюсь я в них. А чего ты вдруг захотел гитару? – заинтересовался он.

– Потребности души, – отшутился и уже серьезно продолжил: – В голове бывает, появляются какие-то мелодии, некоторые неплохие. Хочется их повторить, а гитара – самый доступный и подходящий для меня инструмент.

– Вот почему ты хотел неплохую гитару? – сообразил он и продолжил: – Композитором будешь?

– Вряд ли. Только для себя, а там видно будет. В институт собираюсь по технической части или в военное училище, – частично поделился своими планами.

– Офицер из тебя получится, – констатировал он, всматриваясь в меня.

Помолчали.

– Ладно, спасибо, что не забыл о моей просьбе с гитарой. Пойду уроки зубрить, – поднимаюсь с сундука, на котором сидели.

Домашнее задание я закончил во втором часу ночи.

Глава 3. Вторая неделя.

Репетиция.

На следующий день в школе я обошел своих ребят и спортсменов, заинтересованных в боксе. Собрал шестнадцать рублей. Уточнил у Филиной начало репетиции. На секции собрал еще двенадцать рублей. Передал ключ от спортзала Алексе (Серге Алешкину), авторитетному среди спортсменов и ровесников пацану из восьмого класса, члену Бюро ВЛКСМ, отличнику, спортсмену и участнику сборных школы во всех игровых видах спорта, а сам отправился в Восточный поселок к заводууправлению железобетонного комбината.

В Красном уголке на втором этаже, ориентируясь по шуму, обнаружил довольно большую группу смущенных, одетых в черно-белые трико девчонок, внимательно осматривающих друг друга, что-то непрерывно поправляющих и при этом оживленно щебечущих. Некоторые из них были в солнечных очках. Увидев меня, все замолчали, и я оказался под прицелами заинтересованных, насмешливых и вопросительных взглядов. В углу на стуле с готовым аккордеоном обнаружил Толика, чувствующего себя явно не в своей тарелке. Увидев меня, он просто воспрянул духом. В небольшом зале

в заднем ряду заметил двух женщин. «Вероятно, чьи-то мамы», – предположил.

– Здравствуйте! Я надеюсь, самое интересное еще не пропустил? – попытался шуткой разрядить обстановку.

Не слушая возникший галдеж, поднял руку, прерывая шум и продолжил с улыбкой:

– Вижу, вижу! Все вы красавицы, настроены по-боевому и готовы всех порвать на концерте, а заодно покорить всех ребят. Я не против – пусть помучаются бессонницей, вспоминая вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.